

Борис Житков
**ИЗ МОРСКИХ
ИСТОРИЙ**

Издательство
"Детская
литература"

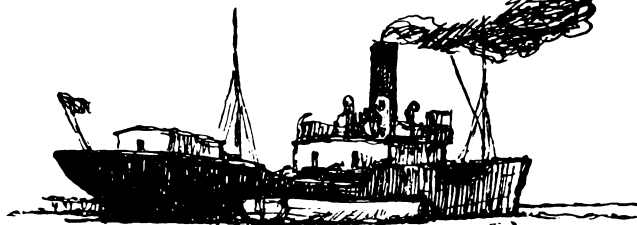

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

БОРИС
ЖИТКОВ

Из морских
ИСТОРИЙ

РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

P2
Ж74

Обложка П. ПАВЛИНОВА

Житков Б. С.

Ж74 Из морских историй. Рассказы. Обл. П. Павлинова. М., «Дет. лит.», 1976.

112 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).

В книгу вошли рассказы: «Вата», «Компас», «На воде» и др.

Ж $\frac{70803-377}{M101(03)76}$ 502—76

P2

БОРИС ЖИТКОВ

Это был невысокий, очень лёгкий человек с быстрыми и точными движениями. Длинные волосы делали его похожим на нахлывшегося сокола. И весь он напоминал птицу, всегда готовую к полёту.

Но когда он начинал говорить, впечатление лёгкости исчезало. Говорил он очень медленно, словно отпечатывая каждое слово на невидимой бумаге. И каждое слово было точным и таким ярким, словно было освещено изнутри.

Этим внутренним светом до сих пор сверкают его рассказы, где слово прыгнуло к слову так точно и плотно, что невозможно вынуть одно и заменить другим, не испортив страницы или всего рассказа.

Очень простые, на первый взгляд, его рассказы были плодами великого труда. Он сочинял их годами, прикладывая в уме слово к слову, но не записывая ни строчки, точно так же, как это делал другой замечательный детский писатель—Аркадий Гайдар. И только когда рассказ был отделан начисто и навсегда закреплён в памяти, Борис Степанович записывал его—а для этого нужно было всего один-два дня. Борис Житков всю жизнь помнил всё им написанное наизусть, и вы могли разбудить его ночью, и любой рассказ он мог написать заново—точно слово в слово.

Для того чтобы написать эти рассказы, мало было одного таланта. Нужно было прожить такую жизнь, какую прожил Борис Степанович Житков.

Жизнь эта была большой и трудной. Борис Степанович объехал полмира, встречался с тысячами людей, видел множество стран. Но главное, он владел десятком профессий.

Борис Степанович окончил университет с дипломом химика. Он имел звание штурмана дальнего плавания. Он как учёный-биолог возглавлял научную экспедицию на Енисей. Он был инженером-кораблестроителем. В Англии, где он был в командировке, считался крупнейшим специалистом по авиационным моторам. Он плавал вокруг света, летал на самолётах, которые в те годы были ещё новинкой, и, наконец, спускался на дно моря в костюме водолаза и на подводных лодках.

Кроме того, он владел десятком языков, так что его принимали то за француза, то за грека, то за турка, превосходно играл на скрипке, знал наизусть всего Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, ставил балеты на сцене Народного театра в Ленинграде, мог ответить на любой вопрос. За всё это его и называли «живой энциклопедией». Он любил простые ремёсла людей труда: плотницкое, столярное, слесарное, токарное дело, был бондарем и жестянщиком и вдвоём с двоюродным братом, своими руками, построил яхту «Секрет».

Он очень много думал о будущем, о том времени, когда человек овладеет планетой и вылетит на разведку в космическое пространство.

Тёплое океанское течение Гольфстрим омывает берега Норвегии и мурманское побережье, и море здесь никогда не замерзает. Но, дойдя до островов Новая Земля, Гольфстрим поворачивает на север и исчезает в районе полюса. Борис Житков мечтал срыть, взорвать эти острова, и тогда тёплое течение пошло бы вдоль северных

берегов Сибири, превратив этот суровый край в цветущую страну.

Гигантские ледники толщиной до двух километров покрывают самый большой остров в мире — Гренландию. Это — остаток великого ледникового периода. Если посыпать эти ледники угольной пылью — а для этого достаточно всего одной тысячи самолётов, — то солнце постепенно растопит вечные льды, и Гренландия снова превратится в зелёный остров, каким он был когда-то.

Борис Степанович мечтал о том времени, когда жители Земли вступят в переговоры с обитателями других планет. Он предлагал создать на поверхности Земли из прожекторов фигуру человека — в несколько тысяч километров длиной. В нужный момент снопы прожекторов повернутся, и огненный человек словно махнет рукой неизвестным жителям иных миров...

О многом мечтал писатель Житков, но писал он только о том, что хорошо знал и сам пережил.

Книгу Борис Житков считал великим воспитателем. Он хотел, чтобы его читатели выросли настоящими людьми — сильными, смелыми, благородными. Поэтому он писал о таких людях — не выдуманных, а настоящих героях, которым хотелось бы и стоило подражать.

Больше всего на свете он любил море и его тружеников — матросов, рыбаков, кочегаров, портовых рабочих, механиков, капитанов больших и малых кораблей. Он хорошо знал, что работа этих людей трудная и опасная, — недаром свой первый сборник рассказов он назвал «Злое море». Но именно здесь, на море, лицом к лицу с природой, наиболее полно раскрываются и хорошие и дурные стороны человека.

Всю жизнь Житкова интересовал вопрос: что такое храбрость? Он считал, что храбрость — самое важное качество в человеке. Трусость, говорил он, ведёт к предан-

тельству, к подлости — вот почему надо быть храбрым. «Я знал, — писал он, — что по-французски «трус» и «подлец» — одно слово «ляш». И верно, думал я, трусость приводит к подлости».

Но не всякая храбрость делает человека настоящим героем. Храбрость не хвастовство и не бессмысленное молодечество. Только тот по-настоящему храбр, кто пренебрегает опасностью и рискует всем, чтобы защитить и спасти то, что дороже жизни.

О храбрости и трусости и написаны «Морские истории».

В рассказе «На воде» (*Шквал*) грек-хозяин не боится перегрузить судно. Но это не храбрость, а подлость: его интересует только нажива, а до людей ему нет никакого дела. И когда налетает шквал, то бессмысленно гибнет и корабль и его хозяин.

В рассказе «Над водой» трусость механика приводит к подлости: он боится выйти на крыло летящего самолёта, чтобы исправить заглохший мотор, и вместо него идёт неопытный ученик Федорчук. Мальчик по-настоящему храбр, он хочет спасти пассажиров, спасает их, но падает с обледенелого крыла самолёта и гибнет по вине труса механика.

Лейтенант Я., командир подводной лодки № 17 в рассказе «Под водой», из лихачества решается пройти под дном парохода. Но это не подлинная храбрость, и, когда лодка садится на дно и люди начинают задыхаться, командир выносит себе приговор: «Я не имею права дышать этим воздухом».

Капитан парохода «Мэри» мистер Артур Паркер топит парусник «Мария» из тщеславия¹, из презрения к русским, которых он считал «дикарями». Он не только подлец, но и трус. И не случайно он теряет самообладание, когда узнаёт, что его преступление раскрыто.

¹ Тщеславие — высокомерие, сомнение, любовь к славе.

Хозяин шхуны «Марія» Афанасий Нечепуренко не зажигает сигнальных огней на корабле из жадности, чтоб сберечь керосин. Это приводит к бессмысленной гибели его самого и команды.

В морских рассказах Житкова корабли часто кажутся живыми. «Этот катер был мой любимец,— писал он в очерке «Ледоколы».— За то я его любил, что он был маленький и в то же время как настоящий пароход: палуба настоящая, машинка, труба, каюта — всё по-пароходному и всё как будто детское. Имя у катера серьёзное — «Работник».

О любви к кораблям и к людям, которые создают такие корабли и водят их по морям, написан рассказ «Николай Исач Пётршин».

И не зря корабль «Пушкин» портовые люди именуют по имени-отчеству командира: Николай Исач, потому что невозможно отделить капитана от жизни его судна.

Такие люди, как капитан Николай Исач Стратонов,— подлинны герои для Бориса Житкова.

Читатели очень часто задавали писателю вопрос: что правда и что вымысел в его рассказах? Борис Житков однажды ответил на этот вопрос в журнале «Пионер».

«В рассказе «Компас»,— писал он,— ...почти точно описано то, что было со мной и моим товарищем Серёжей. Его потом за другое такое же дело сослали на каботажу».

...Про «Марию» и «Мэри» — это тоже не выдуманно, а такой случай был. Конечно, я не слышал, что говорили на паруснике и что говорилось в это время на пароходе. Но таких хозяев-украинцев было полно в Херсоне, на Голый Пристань, в Збурьевке, на Днепре. И английских капитанов я таких много видел. Какой именно тот был, что разрезал парусник, я не знаю. Но уверен, что он не очень отличался от тех, каких я знал. Так что ни капитана, ни

шкипера-украинца я не выдумал, случай тоже не выдуманный, а только я всё это свёл вместе».

В жизненной правде, в поразительной остроте зрения писателя, в благородной храбрости его героев — сила и бессмертные рассказы Бориса Житкова.

Кирилл Андреев

ВАТА

Это наконец нас стало заедать¹. Приходишь, бывало, в порт. Вот он, таможенный досмотр², ходит и поглядывает, во все уголки нос засовывает:

— Что у вас тут? А под койкой что? А в вентиляторе что?

И ничего не находит.

А тут смотрите, один нашёлся такой скорпион, то есть досмотрщик, что ничего ему не надо искать, прямо:

— Вот эту доску мне оторвите!

— Как так рвать? А назад кто её пришивать будет?

— А если ничего там нет, то всё в прежний вид приведу я. А как обнаружено будет к провозу недозволенное, то сами должны понимать...— И пальчиком стучает: — Вот в этом самом месте.

Чинóвник, что с ним ходит, брови поднимает, ему в глаза засматривает: так ли, мол? Как бы сраму не было!

А этот скорпион долбит пальчиком:

— Небеспременно здесь.

---

¹ Заеда́ть — здесь: задевать, огорчать.

² Тамо́женный до́смотр — осмóтр груза пограничниками, таможенными чиновниками; здесь: таможенный чиновник.

Рвут доску — и как чудо: в том самом месте штука¹ шёлка.

Потом идёт тихонечко в кочегарку, сразу в угольную яму:

— Вот тут копайте.

А в этих угольных ямах угля наворочено горá, и раскидывать его нéкуда, да и темнотá, только лампочка электрическая коптит. А он, как конь, ногой топчет этот уголь:

— Здесь копайте.

Рóют.

— Ну,— говорят,— ничего там не сыщешь, тебя туда самого закопаем живого.

В этот уголь чиновник поневоле лезет. Назло ребята пыль поднимают, уголь швыряют лопатами, как от собак отбиваются. Гром стоит — ведь железо кругом. Коробка это железная — угольная-то яма. Называется только так. Чиновник чихает, платочком рот прикрывает. А скорпион всё ниже лезет и лампочку на шнурке тянет.

— Зачем левей берёшь? Нет, ты вот здесь, здесь копай. Ага! Это что?

И лапами, что когтями,— цап! Пакет. Навёрх, на галубу. Тут распутывать, разворачивать — бумажки. Какие такие бумажки? Хлоп — и жандарм тут.

— Эгé-с! — говорит жандарм.— Понятно-с. Механика сюда! Капитана!

Акт писать: найдены зарытыми бумажки, а бумажки насчёт того, чтобы царя долой, фабрикантам по затылку, и вообще неприятные бумажки. А пришли из-за границы.

Потом слух проходит, что дознались: бумажки за границей печатались, даже журнальчик среди бумажечек нашли. Даже кипку изрядную. Журнальчик-то на толенькой бумажке отпечатан.

---

¹ Ш т у к а — здесь: цельный кусок.

*А он, как конь, ногай топчет этот уголь:
— Здесь копайте.*

Тут всю машинную команду перетрясли¹. Водили, допрашивали. Двоих так назад и не привели.

А скорпион этот уже го́голем ходит². То есть как это сказать? Он до сих пор змеёй смотрел, а уж теперь прямо аспидом³. Идёшь мимо, а он дежурным на переезде стоит и провожает тебя глазами, как из двухстволки целит. И, видать, трусит, как бы кто его не угораздил булыжником. Оружие им не полагалось по форме, но этому, слышно было, выдали револьвер, чтобы держал в кармане на случай чего. И все это знали.

Чинóвник при всех ему говорил:

— С тобой бы, Петренко, клады в лесах искать. С тобой и рентгена никакого не надо. Как это ты? А?

— Это, ваше высокородие, нюх и практика.

Однако взяли двух. Но мы-то с Сенькой остались на пароходе. На берегу мы с ним имели совет меж собой. Ясно, что глаза скорпионо́вы⁴ с нами плавают, кто-то смотрит, слушает и заваливает⁵ публику. И мудрёного тут нет ничего. У кочегаров и матросов на носу общие помещения — кубрики: кочегарский и матросский. По борту — койки в два этажа и по переборке⁶ такие же. Посреди стол. В углу икона, а над койками карточки, картины разные. Все вместе едят, вместе спят. Тут чуть что пошептал, сейчас всем видать и всё слышать. Протрепались ребята или без оглядки языком били⁷, только это уже факт, что есть засыпайлы⁸ какие-нибудь меж своих же. А вот кто? Стали и план разбивать: кто бы это был и как его узнать? А на пароходе стало совсем

---

¹ Перетрясли — здесь: проверили, допросили.

² Го́голем ходит — ходит гордо, уверенно.

³ Аспид — ядовитая змея; здесь: злобный человек.

⁴ Глаза скорпионо́вы — здесь: шпион, доносчик.

⁵ Заваливает — здесь: доносит.

⁶ Переборка — перегородка, внутренняя стенка.

⁷ Без оглядки языком били — говорили не думая.

⁸ Засыпайлы — доносчики.

паршиво: все друг на друга вóлком¹. Всякий думает: «Это ты засыпал». Да и верно. У одного два несчастных фунта² цейлонского чая и то нашупал этот скорпион. Его ребята угощать пробовали. Откупорят заграничную бутылку, ему стакан. Выпьет, губы оботрёт: «Доброе вино! А в сундучке у вас как?»

Но нам с Сенькой было задание — держать связь с заграницей, доставлять журналы. А тут на! Провалили, и двое людей засыпалось. Это с какими глазами мы туда выставимся! Хоть списывайся на берег³ да на другой парход. И тут наши товарищи, здешние, стали срамить. Нас с Сенькой такая досада взяла, что тех двух арестованных, кочегаров этих, даже и не жалели. Ругали прямо.

А в комитете нам сказали:

— Товарищи дорожие, мы уж и не знаем, как вам и доверять. То есть ребята вы, может, и верные, но нам сейчас швыряться сотнями номеров нельзя: время горячее. Это не шутки. Не коньяк в пазухе проносить. Мы другой путь будем искать.

И все на нас глядят, и каждый думает, что мы с Сенькой шляпы⁴ и свистунки.

— Вы,— говорят,— товарищи, обдумайте.

Тогда я говорю:

— Этот рейс мы не берёмся: действительно, надо всё проверить. И мы скажем, а когда скажем, то уж... одним словом, скажем.

Чего тут было говорить? Пошли мы как оплёванные. Но про донóсчика этого решили, что выловим, и тогда уж его, гада, просто в воду за борт. Мало ли что, упал человек за борт. Ночью. Бывает же такое.

---

¹ Вóлком (смóтрят вóлком) — то есть с недоверием и злобой.

² Ф у н т — старинная мера веса, 410 граммов.

³ С п и с ы в а й с я н а б е р е г — бросай работу на корабле.

⁴ Ш л я п а — здесь: растяпа, нерасторопный человек.

Всех мы перебрали с Сенькой. Всех обсудили. Да нет, все будто одинаковые. На всякого можно подумать. И вот что выдумали. Выдумали мы уже в море, когда снялись¹, а совсем уговорились в персидском порту, в Бассоре².

Принимали мы там хлопок. Это как бы побольше кубического метра тюк. Он зашит в джут³ и затянут двумя железными полосами, как ремнями. Вата, а в таком тюке четырнадцать пудов её. Это её прессом так прессуют, что она там, в этом пакете, как камень. Даже не мягкая ничуть.

И вот наш план.

Будем говорить в кубрике за столом вдвоём по секрету. И смотреть, чтобы только один человек мог нас слушать. И начисто никто больше. И говорить будем, как вроде секрет меж собой. Так к примеру: «Так ты не забыл, значит, как это место (тюк, значит) пометил?» А другой должен говорить: «Нет, на каждой стороне красная точка в пятък». — «А сколько там номеров?» — «А две сотни газет положено, так сказывали».

А при другом говоришь, что не точка, а кресты по углам чёрные. И для каждого разные марки. И, чтобы не спутать, Сенька всё себе запишет где-нибудь.

Нас на погрузке ставили трюмными: это значит стоять в трюме⁴ и глядеть, чтобы грузчики правильно раскладывали груз. Грузчики — персы; значит, что я ни делаю, рассказать они не могут. А потом я над ними вроде распорядитель всех делов⁵. Сенька у себя во втором — тоже. Каждый взял по ведёрку с краской и кисточкой. Это

---

¹ Снялись (снялись с якоря) — вышли в море.

² Бассора (Басра) — портовый город в Ираке.

³ Джут — грубая ткань.

⁴ Трюм — внутреннее помещение корабля между нижней палубой и днищем, предназначенное для груза, котлов, машин и т. п.

⁵ Правильно: дел.

мы наперёд пригото́вили. И жарá там, в Бáссоре, немы́слимая. Кра́ска сты́нет, как плевóк на морóзе. Вот я де́лаю врёде трево́гу, пёрсы на меня́ смóтрят. Я сейча́с с веде́рком и мёчу кра́сным тюк. Онí дúмают, что э́то на́до по пра́вильу. Я прика́зываю: осторо́жно, не разма́жь и кати́ его́ туда́. Онí слúшают. Уж к обе́ду мы все ма́рки на́ши поста́вили — два́дцать семь ма́рок, по числу́ люде́й. Тепе́рь оста́лось два́дцать семь разгово́ров устро́ить. И что́бы ви́ду не показáть, что мы э́то «на пу́шку»¹ то́лько.

Пе́рвый раз чуть всё не пропа́ло. Се́нька — смешли́вый. Я при Осипе так серьё́зно начина́ю:

— А ты,— говорю́,— по́мнишь, каку́ю ты ма́рку ста́вил?

И ви́жу — Се́нька со́ смеху не прожуе́т². Меня́ в смех вво́дит. Не могу́ на него́ гляде́ть.

— Ты вы́йди на па́лубу,— говорю́,— погляди́, францу́з нас догоня́ет, «Мессаже́рь».

Он еле́ до поро́га добежа́л. Ну что ты с таким ста́нешь де́лать? Я уж дúмал, пропа́ло на́ше де́ло.

Пото́м ему́ говорю́:

— Если ты мне на разгово́р смешки́ начнёшь и ко́мики ра́зные стро́ить, то, что́бы мне сгорéть, я тебя́ тут же вот э́той ме́дной кру́жкой по́ лбу. Разобра́л?

Опять, что ли, с Осипом на́ново начина́ть? Оста́вили его́ напоследок. Взяли Зу́ева. Он всё папи́ро́сы набивáл. Ся́дет с гильза́ми и штри́кает, как маши́на. Загоня́л³ пото́м их тут же проме́ж свои́х, кто проку́рится. Он себе́ штри́кает, а мы врёде не замеча́ем. Нача́ли разгово́р.

Се́нька со́ всей, ви́да́ть, си́лой собра́л гу́бы в тру́бку и не свои́м го́лосом, как уда́вленник:

— Кра́сным кресто́м ме́тил.

---

¹ «На пу́шку» — на обман.

² Не прожуе́т — здесь: да́вится.

³ Загоня́л — здесь: продава́л.

Ходу нам до дому мѣсяц, и за мѣсяц мы всех двѣдцать семь человек размѣтили, на все наши двѣдцать семь мѣрок, и всех записали.

Потом я Сеньку спрашиваю:

— На кого думаешь?

— На Осипа,— говорит.— Он аккурат присунулся ближе, как ты сказал, что двести номеров. А ты на кого?

А я сказал, что Кондратов. И потому Кондратов, что он сейчас же встал и отошел. Только услышал, что кружком мѣчено, и сейчас же запел веселое, вроде нигде ничего, и вон вышел.

Простак гляди какой!

— На Осипа,— говорю,— думать нечего. Он человек семейный, ему подработать без хлопот, да вот сахару не ест, домой копит.

А уж к порту подходили, я уж совсем смешался, на кого думать. Семейный, а может быть, он самый и есть предатель, этим и подрабатывает. Другой вот—Зуев; чего он веселый, надо не надо? Чего ломоты эти строят? ¹ Так его и крутит, будто штопор в него завинтили. Из кочегаров двое тоже были у нас на мушке ². Потом нам стало казаться, что на нас все по-волчьи глядят. Может, меж собой рассказывали про наш разговор? Уж не знали, как до порта дойдем.

Однако ничего. Опять чиновник к нам, опять этот самый скорпион, жандарм, все как полагается. Но только началась выгрузка, видим, бессменно скорпион стоит и каждый подъем глазом так и облизывает. Мы тоже поглядываем. Грузчики на берегу берутся по четыре человека, таскают эти тюки и городят из них штабель ³. Вдруг этот скорпион:

¹ Ломоты строят — ломается, притворяется.

² На мушке — на прицеле, на примете.

³ Штабель — ровно, в правильной форме сложенный ряд.

— Эй, эй, несí прямо в проходную таможню. Несí, несí, не рассказывай.

Хорошо, я заметил, а то сами бы мы проморгáли¹,— с красным крестом на углу.

Я в заметку — Зуев.

Но ужé по всему парохóду шум: понесли тюк хлópка в таможню. Сейчáс уж чиновник пришёл на парохóд, приглашает немедленнó нашего старшего помощника — капитán в гóроде был, на берегу. Ещё двоих понятых² из команды. Бóцман говорит мне: «Ты пойдёшь». И ещё кочегáр одíн. Приходим. Кóмнатка небольшая, всего одна скамейка по стенé. Два окóшка. В окóшки люди глядят. Посредí этот тюк. Чиновник стоит, губки облизывает. А скорпион весь на взводе. Шéпчет чиновнику грозно что-то в ухо. Чиновник уж перед ним так и áхает.

— А, скажите пожалуйста! Да уж знаю, знаю, насквозь видишь, рентгэн!

Ждали жандарма. Вот и жандарм! Послали кочегáра за кусáчками³. Жíво принёс. Наш старший помощник говорит:

— Пишите акт, что вот кíпа хлópка в четырнадцать пудов, что по вашему требованию, что вы отвечаете.

Чиновник со смешком:

— Па-ажáлуйста, сделайте ваше любезнейшее одолжение.

Тут же на скамейке пáпку расстелил и пíшет.

— Откупоривай,— говорит помощник кочегáру.

— Есть!—И кочегáр—хлоп-хлоп!—перекусил обручи.

Кíпа, как живая, поддалá спиной и распухла.

— Режь!

Полоснул кочегáр по джу́ту, раскрыл: бéлая вата плóтно лежит, бóдто снег, лопáтой прибитый.

---

¹ Проморгáть — прозевáть, проглядéть, не замéтить.

² Понятые — свидетели.

³ Кусáчки — щипцы для перекусывания (разрыва) проволоки.

— Начи́най,— шепотко́м говори́т чино́вник.

И нача́л скорпио́н сдира́ть сло́й за сло́ем э́ту ва́ту. Чино́вник тут же кру́тится. В о́кна сто́лько наро́ду нажа́ло ¹, что в ко́мнате темно́ ста́ло. Жандарм два́ ра́за ходи́л отпугивать. А ва́ты всё бо́льше да бо́льше. Копне́т её скорпио́н, ломото́к оди́н, а начне́т трепáть — гляди́шь, о́блако вы́росло. Чино́вник уж весь в пуху́, пята́тся. Дороги́е мои́! Скорпио́н ещё и че́тверти кипе́й э́той не отодрáл — полко́мнаты ва́ты, и уж о́кно загоро́дило. Он уж в ней по́яс стои́т, как в пене́, и уж со зло́сти огрыза́ется, рве́т её кло́чьями, я́мку посере́дке копа́ет.

Кочегáр говори́т:

— Пилу́, мо́жет, принести́?

Чино́вник как га́ркнет:

— Вон отсю́да, мерза́вец!

А наш ста́рший:

— Э́то как же? Занеси́те в акт: оскорби́ли по́нято́го.

Мы уже́ к двéри пята́тся, ва́та на нас наступа́ет. Чино́вник ви́дит — косто́м уж не уберече́, там же ро́бится.

Их уж там не ви́дно ста́ло, как во сне потону́ли во́все. А ста́рший наш кричи́т:

— Ничего́ не ви́дять, мо́жет, обма́н, мо́жет, ещё са́ми подло́жите чего́?

Уж и взбелени́лся ² чино́вник, выбега́ет оттуда́: домо́вой не домо́вой — чу́чело бе́лое, ва́та на нём ше́рстью. Эх, тут как заору́т ребя́та:

— Дед-мороз́!

Он — наза́д. Они́ там с досмо́трщиком ва́ту то́пчут, примя́ть хотя́т, да где! Она́ пу́хнет, всю ко́мнату завали́ла, а полки́пы ещё нет.

---

¹ На жа́ло — здесь: налёзло.

² Взбелени́ть с я — си́льно разо́злиться.

Выскочил таможенный чиновник.

— Мерзавец! — кричит. — Запереть его там.

И побежал домой. Мальчишек за ним табун целый. Я на пароход. К Сеньке: «Где Зуев?» — «Сейчас был». Мы туда-сюда, нет Зуева. Так больше и не видал его никто. Сундучок его сдали в контору. И за сундучком никто не пришёл.

1933

КОМ П А С

Было это давно, лет, пожалуй, тридцать тому назад. Порт был парохóдами набит — стать нéгде.

Придёт парохóд — вся комáнда высыпáет на бéрег, и остаётся на парохóде оди́н капитáн с помóщником, мехáники.

Это моряки забастовáли: трéбовали устрóйства сою́за и чтоб жáлованья прибáвили.

А парохóдчики не сдавáлись — посидíte голодом, так небóсь назáд запрóситесь!

Вот ужé тридцать дней бастовáли моряки. Комитёт выбрáли. Комитёт бéгал, доставáл поддёржку: дéньги собирáл.

Впрóголодь сидéли моряки, а не сдавáлись.

Мы бы́ли молоды́е ребята, лет по двáдцать кáждому, и нам чéрт был не брат ¹.

Вот сидéли мы кáк-то, чай пили без сáхара и спóрили: чья возьмёт.

Алёшка Тищенко говорит:

— Нет, не сдадутся парохóдчики, ничтó их не возьмёт. У них дéнег мешки наворóчены. Мы вот чай пустóй пьём, а они́...

Подумáл и говорит:

---

¹ Чéрт был не брат — ничегó и никогó не боялись.

— А оні — лимона́д.

А Серёжка-Горілла рычіт:

— Кабы их с ётого лимона́ду не вспу́чило. Тры́дцать дней хло́пцы дёржатыся, пять ты́сяч наро́ду на бульва́ре всю траву́ штана́ми вы́терли.

А Ти́щенко своё:

— А им что? Коро́в на твоём бульва́ре пасти́? Напу́гал чем!

И ковыря́ет со злос́ти стол но́жиком.

Тут влета́ет парни́шка. Вспоте́лый, всклокоченный. Плю́нул в пол, хлопнул тудá фура́жкой, кричіт:

— Оні здесь чай пьют!..

— Лимона́д нам пить, что ли? — говори́т Ти́щенко и во́лком на него́ глянул.

А тот кричіт ба́бьим го́лосом:

— Оні чай пьют, а с «Юпи́тера» дым идёт!

Ти́щенко:

— Неха́й¹ он сгори́т, «Юпи́тер», тебе́ жа́лко?

— С трубы́,— кричіт,— с трубы́ дым поше́л!

Тут мы все вста́ли, и Серёжка-Горілла говори́т:

— Это не дым идёт, а провока́ция².

Парни́шка пла́чет:

— Чёрный! Там дво́рники под котла́ми шевеля́т. Пошли́!

Вы́скочили мы, пошли́ к «Юпи́теру».

Ве́рно, из пароходной трубы́ шёл чёрный дым, а кру́гом — и на сходи́не, и на пристани, и на па́лубе — кавале́ры в чёрных тужу́рках. Рукава́ ру́сским фла́гом обшита́, и на по́ясе револьве́ры.

Не подойти́!

— Сою́зники ру́сского наро́да,— объясня́ет парни́шка.

---

¹ Неха́й (укр.) — пусть.

² Провока́ция — умы́шленное, преда́тельное подстрека́тельство к ка́ким-нибудь де́йствиям.

Будто мы не знаем, что такое «союз русского народа» — полицейская порода.

Когда мы на бульвар пришли, только и разговору, что про «Юпитер». Стоит народ, и все на дым смотрят.

Взялся капитан с дворниками в рейс пойти, сорвать матросскую забастовку. Капитан — из «русского народа», и охрану ему дали: двадцать пять человек. Дворники не дворники, а уголь шевелят здорово. На руль помощников капитан поставит, в машину — механиков...

— Очень просто, что снимутся,— говорит Тищенко,— а в Варне заграничную команду возьмут — и дошёл.

Серёжка вдруг оскандалился, говорит:

— Не пустим!

— Ты ему соли на корму насыпь,— смеётся Тищенко.

— Знаем, как насолить,— говорит Серёжка.— Пойдём...— И толкает меня под бок.

Вышли мы из толпы.

Серёжка мне говорит:

— Ты не трус?

— Трус,— говорю.

Он помолчал и говорит:

— Так вот, приходи ты сегодня в одиннадцать часов на Угольную¹, я около трапа² тебя ждать буду. И никому ничего.

Пальцем помахал и пошёл прочь.

Чудак!

Прихожу в одиннадцать на Угольную пристань. Фонари электрические горят, и от пристани на воду густая тень ложится — ничего не видать под стёнкой. Дошёл до

---

¹ Угольная — угольная пристань, где корабли грузятся углем.

² Трап — лестница на судах.

*Тут влетает парнишка:
— Они чай пьют, а с «Юпитера» дым идет!*

тра́па, на ступе́ньках сиди́т Серёжка-Гори́лла. Сел я рядом.

— Что,— спра́шиваю,— ты надума́л?

— Полеза́й,— говори́т,— в ту́зик¹ вон у плотá, доро́гой обмозгу́ем².

Рассмотрéлся, ви́жу плот и ту́зик.

Пошёл я по плоту́,— не видáть, где плот конча́ется. Ступи́л на́ воду, как на до́ску, и полетéл в во́ду. Самому́ смешно́: шинéль вокру́г меня́ вéнчиком пла́вает, и я— как в розётке. А вода́ весéнняя, холо́дная.

Я— в туз. Пока́ вы́лез, хорошо́ намо́к.

Раздéлся я до белья́ — и хо́лодно и смешно́. Стал гре́сти, согрéлся.

— Ну,— говори́т Серёга,— нача́ло хоро́шее. А сде́лаем мы вот что: я на «Юпи́тере» путево́й ко́мпас из накто́уза³ вы́верну и тебе́ в мешке́ спущу́.

— А как подойде́м? Трап ты спрóсишь у охра́нников?

— Нет,— говори́т,— там уго́льная ба́ржа⁴ о борт с ним стои́т, како́го-нибудь дурака́ сваля́ем⁵.

— Сваля́ем,— говори́ю.

И вéсело мне ста́ло. Гребу́ я и всё ду́маю, како́го там дурака́ бу́дем валя́ть. Ка́к-то забы́л, что «сою́зники» там с револьве́рами.

А Серёжка мешо́к скру́чивает и верёвку приготáвливает.

Обогну́ли мол⁶. Вот он, «Юпи́тер», вот и баржо́нка деревя́нная прикорну́ла с ним рядом. Угольщица.

¹ Ту́зик — ма́ленькая ло́дка.

² Обмозго́вать — обду́мать.

³ На́ктоуз — ящи́к со стекло́м, в кото́ром помеща́ется морско́й ко́мпас.

⁴ Ба́ржа и баржа́ — несамохо́дное грузо́вое судно́.

⁵ Дурака́ сваля́ем — придума́ем како́ю-нибудь хитро́сть.

⁶ Мол — выступа́ющая в мо́ре ка́менная стена́ в порту́ или у вхо́да в порт для защи́ты судов от морских волн.

Гребу́ сме́ло к парохо́ду. Вдруг оттуда́ го́лос:

— Кто е́дет?

Ну, ду́маю, э́то береговóй — флóтский кри́кнул бы:
«Кто гребёт?»»

И отве́чаю гру́бым го́лосом:

— Та не до вас, до де́да.

— Како́го де́да там? — уж друго́й го́лос спра́шивает.

А на тако́й ба́рже ника́кого жи́лья не быва́ет, ника́ких де́дов, и вся́кий га́ванский чело́век э́то зна́ет.

А я гребу́ и кричу́ ворчли́во:

— Како́го де́да? До Опана́са, на ба́ржу,— и про́тскиваю туз ме́жду ба́ржей и парохо́дом.

Серёжка оклика́ет:

— Опана́с! Опана́с!

С парохо́да помога́ют:

— Де́душка, к вам прие́хали!

Зале́з я на ба́ржу, с бо́рта пры́гнул на уго́ль и поше́л в нос. А нос па́лубой прикрýт.

И говорю́ гро́мко:

— Де́душка, де́душка, э́то мы. Како́й вы сто́рож! Вас па́лкой не подня́ть,— и шевелю́ уго́ль ного́й.

Смотрю́ — и Серёжка лезе́т ко мне.

Чи́ркнул спи́чку. А я стари́ковским го́лосом ша́мкаю.

— Та не жги́те огня́, пожа́ру наделе́ете, шу́т с ва́ми.

Серёжка, дура́к, сме́ется.

— Да, да, не зажига́йте спи́чек, мы вам фона́рь сейча́с дади́м.

И затопали́ по па́лубе.

Серёжка говори́т мне:

— А чу́дак ты, де́душка, ей-бо́гу, чу́дак!

Я вы́глянул из-под па́лубы. Смотрю́, уже́ фона́рь во́локúт.

Я скорей́ к ним.

К мóкрому белью́ уголь приста́л — са́мый подходя́щий вид у меня́ сде́лался, это я уже́ при фона́ре заме́тил.

Сиди́м мы с фона́рем под па́лубой и впло́голосо бесе́дуем.

Я всё ша́мкаю.

— Лезь,— шéпчет Серёга,— в туз, а как уйдúт с бóрта — стúкни чуть весло́м в борт.

Я полéз в туз.

Вдруг Серёга грóмко говори́т:

— Так вода́, говори́шь, у тебя́ в носу́ оста́влена, де́душка?

А я зна́ю, что он оди́н там, и отвеча́ю из ту́за:

— В носу́, в носу́ вода́!

— Так заткни́, чтоб не вы́текла! Не тебя́ спра́шивают,— говори́т Серёга.

На бóрту засмея́лись. А Серёга зашага́л по у́глю в корму́. Потóм верну́лся. Опя́ть прошёл на корму́, и всё смóлкло.

Смотри́ — оди́н то́лько челове́к оста́лся у бóрта.

— Эй,— говори́т,— фона́рь-то потóм верните́.

И отошёл. Ста́ло ти́хо.

Я подожда́л мину́т пять и стúкнул весло́м в ба́ржу. Бе́режно, но чётко: тук!

И тут заколоти́лось у меня́ се́рдце. Я прислу́шивался во все у́ши, но, крóме се́рдца свое́го, ниче́го не слыха́л.

Гляну́л вверх — че́рез щéли в ба́рже све́тит фона́рь.

Прошёл челове́к по па́лубе. Перегну́лся че́рез борт и спра́шивает, как нача́льник:

— Это что за ло́дка?

А я чу́вствую, что скажу́ сло́во — го́лос сорве́тся. Молчу́.

Он опя́ть. Кри́кнул уже́:

— Что это́ за ло́дка? Эй, ты!

Тут ему́ кто́-то из ихних отве́тил:

— Это сюда, на б́аржу, к старикú, свой при́ехали.

— Ага́,— говорít, и отошёл.

Опять ста́ло т́ихо. Я уж вверх не гляжу́, смотрю́ по бóрту парохода.

Вдруг что́-то вниз ползёт се́рое по чёрному бóрту.

Я за́мер. Дошло́ до воды́ — ста́ло.

Мешо́к.

Вся си́ла ко мне верну́лась.

Не бря́кнул я, не стúкнул. Протяну́лся ту́зом по бóрту вперёд, ухвати́л мешо́к — здо́рово тяжёлый! — и осто́рожно опусти́л в туз.

В это вре́мя туз качну́ло: глянул — Серёжка уже сто́ит на корме́.

Он по той же верёвке слез, на кото́рой и мешо́к опусти́л.

Я взя́лся за вёсла и стал потихо́ньку прогребáться вперёд.

В это вре́мя с парохода́ кто́-то кри́кнул

— Эй, дед, фона́рь дава́й! Засну́л?

И мы слы́хали, как кто́-то спры́гнул на б́аржу.

Я чуть приналёг поси́льнее.

Фона́рь стал метáться по б́арже.

На пароходе́ закрича́ли, заголоси́ли.

Бах, бах! — щёлкнули два вы́стрела.

— Эй, навали́сь! ¹

Мы уже́ огибáли мол. Серёжка оглянúлся и сказа́л:

— Шлю́пки за на́ми — навали́сь!

Я рвану́л раз, два — и пра́вое весло́ трэ́снуло, я повали́лся с ба́нки ².

Вскочи́л, смотрю́ — Серёжка гребёт по-инде́йски обло́мком весла́; как он успе́л на тако́м ходу́ ухвати́ть обезья́ньей хва́ткой обло́мок весла́, до сих пор не пойму́.

Мы заверну́ли за мол в те́мную поло́су под стéнкой и

¹ Н а в а л и́ с ь — здесь: гребí си́льнее.

² Б а́ н к а — скамья́ на шлю́пке.

забілись міжду большім парохóдом и прїстанью, как таракáн в щель.

Мы вїдели, как из-за мóла вїлетела бéлая шлю́пка. Греблі чéтверо. Греблі вразбрóд, бестолкóво. Орáли и стреля́ли.

Чéрез полчасá мы прокрáлись под стéнкой к своéй прїстани.

Наўтро прїшли мы с Серёгой на бульвáр.

Ещё пúще раздымїлся «Юпїтер».

— Снима́ется, снима́ется, ана́фема ¹,— говорїт Тї-щенко.

— Капїтан там аккуратїст — всё уж в поря́дке.

А тут сбóку подбавля́ют:

— Лїхá бедá нача́ть — все парохóды вїлезут. Набе-ру́т ара́пов ², охрáну поста́вят — и айдá. Завя́зывай! ³

Тут какóй-то вскочїл на скаме́йку и нáчал:

— Товáрищи! Не нáдо пáники! Сóдня ара́пов веснї не дéлает,— и пошёл и пошёл...

А мы с Серёжкой перегля́дываемся.

Сня́лся «Юпїтер». Вїшел из пор́та.

Ну, дúмаю, чéрез полчасá пойдёт капїтан курс да-ва́ть, глянёт в путево́й ко́мпас...

Погудёл наро́д и приунýл. Сéли на зéмлю и трут за-ты́лки ша́пками. Всем досáда.

Мы с Серёжкой ушли, так никомú и слóва не ска-зáли.

Зашлї в трактїр, ча́ем пополоскáлись ⁴.

Дружїна прошлá стрóем, что на охрáне парохóда былá.

---

¹ Ана́фема — здесь: прокля́тый.

² Ара́пов — здесь: речéстных люде́й.

³ Завя́зывай — здесь: уходї, бросáй рабóту.

⁴ Ча́ем пополоскáлись — здесь: попи́ли ча́ю.

Серьёзно идѹт, волкáми по сторонáм смóтрят.

Часá три прошлó.

Вдруг вой с бульвáра, да какóй! Ну, дúмаем, поли́-
ция ору́дует на бульвáре.

Брóсились бегóм.

Смóтрим — все стоя́т, в мо́ре смóтрят и ору́т.

А э́то «Юпíтер» идёт наза́д в порт. Увидáл его́ наро́д,
вой по́днял.

А Серёга мне говорíт:

— Смотри́ же, ни бум-бу́м, чтоб никто́ ничегó!

Я так до сегó вре́мени и молча́л.

Ну, тепе́рь уж и сказа́ть мо́жно...

1925

НА ВОДЕ

(Шквал)¹

— Провались он совсём и со своёй черепицей вмéсте! — ругáлся матрós Ковалёв. — Этакую тяжёсть на пáлубу вáлит!

— Лáдно, сейчáс кончáем, ещё тóлько ты́сяча оста́лась, — прохрипéл старíк бóцман, размáзывая красную черепичную пыль по пóтному лицу́.

Жарá стояла несно́сная: был са́мый разга́р ю́жного лéта.

Отправíteль черепицы с хозяином сýдна спóрили в каю́те, и было слы́шно на пáлубе, как грек-хозяин крича́л:

— Понима́ешь ты, я рискую́: сýдно перевéс бу́дет имéть, са́мая тяжёсть свéрху, а ты не хочешь прибáвить гривенник за ты́сячу!

— Ведь б́лизко, капитáн, два шагá, погóда хоро́шая, — пища́л отпра́витель со слезóй в гóлосе, — ведь че́рез два часа́ на мéсте бу́дете! Прибáвлю пята́к, уж куда́ ни шло.

— Продаёшь нас за пята́к! — бубни́л² на пáлубе матрós Ковалёв, укла́дывая ряда́ми черепицу. — Рванёт хоро́ший ветерóк — и áмба³: ляжем парусáми нá воду.

---

¹ Шквал — си́льный внеза́пный порыв вéтра.

² Бубни́ть — ворча́ть.

³ Амба — конéц, все.

— Да что вы, что вы! — испуганно сказала стоявшая рядом женщина.

Она держала за руку девочку лет восьми. Девочка вертелась и, запрокинув голову, разглядывала высокие мачты и реи¹ судна.

— А очень просто,— серьёзно сказал Ковалёв и, оставаясь на минуточку, сердито взглянул на женщину.— Он не то что нас, он и внучку не жалует.— И Ковалёв кивнул головой на девочку.— Вот подите скажите ему.

— Да разве ему скажешь?..— прошептала женщина и ещё ближе прижала к себе девочку.

А матросы валили и валили черепицу, укладывали рядами и досками укрепляли ряды.

Боцман глядел на их работу и покачивал головой, что-то про себя соображая. Потом взглянул на небо, прищурился и перевёл взгляд на горизонт. Море, гладкое, без морщинки, как масло, лоснилось на солнце и тоже, казалось, еле дышало от нестерпимого зноя.

— Мёртвый штиль²,— сказал боцман.— Ух, как бы не сорвалась ночью погода!

— Ничего, ничего,— затараторил хозяин, выходя из каюты,— бриз³, бриз будет, хорошо пойдём. Веселёй шевелись! — крикнул он матросам и побежал по палубе за чем-то нагонять отпавителя.

Наконец кончили погрузку. Судно «Два друга» оттянулось на середину порта. Ждали ветра. Солнце зашло, а жара не спадала. Все пятеро матросов стояли у борта, курили и сплёвывали в воду. В порту зажглись

---

¹ Р е и я — подвижной, поперечный брус на мачте, к которому прикрепляют паруса.

² М ё р т в ы й ш т и л ь — полное затишье на море.

³ Б р и з — береговой ветер. Днём влажный ветер дует с моря на сушу (морской бриз), ночью — сухой ветер с суши на море (береговой бриз).

огоньки, и красным глазом вспыхнул на рейде маяк. Красной змеей извивалось его отражение в воде.

— А это что у тебя в ящике, Настя, куклы? — спросил Ковалёв девочку.

Большой ящик стоял на палубе у борта, и девочка поминутно в него заглядывала через дверцу вверх.

— Нет, зайчик живой, — ответила Настя с гордостью.

— Да ну? — сказал Ковалёв и запустил в ящик руку.

Он вытащил за уши большого зайца. Девочка закричала и потянулась руками. Но она сейчас же успокоилась: матрос ловко посадил зайца на руки и стал бережно гладить своей огромной ладонью.

— Вот и жаркое, — сказал подошедший сзади матрос Дмитрий.

Настя испуганно поглядела на Дмитрия и перевела глаза на Ковалёва.

— Не дадим, не бойся! — сказал матрос. — Это он шутит.

— А если буря будет, — спросила девочка, — страшная-престрашная, зайчику захлестнёт волной?

— Мы его тогда в каюту к деду занесём, — утешал её Ковалёв.

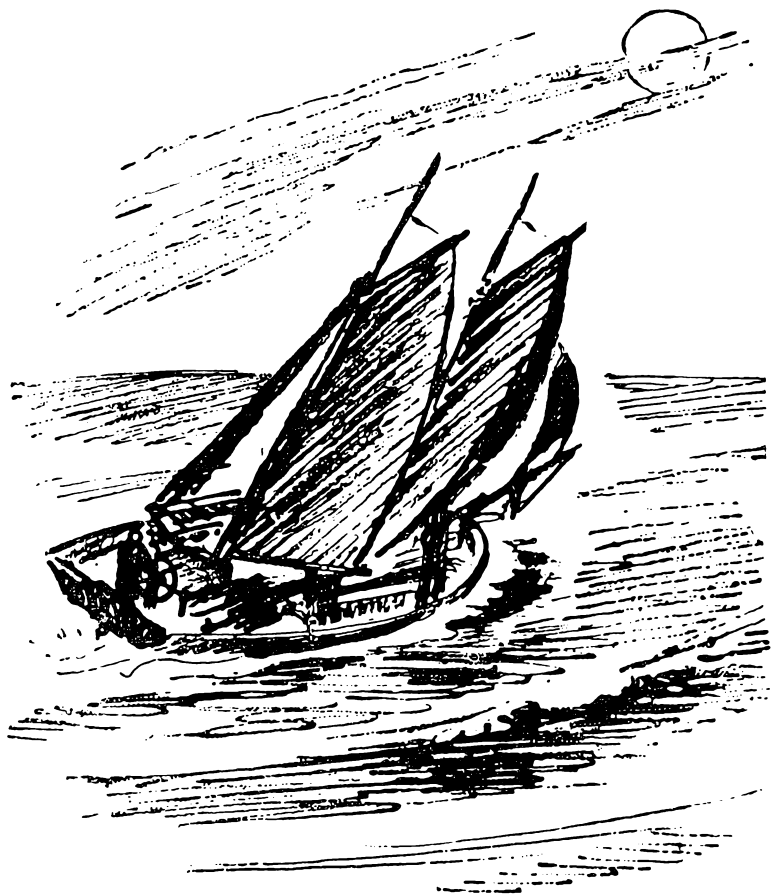
— Ковалёв! — раздался голос хозяина. — Дмитрий! Шлюпку на палубу!

Ковалёв быстро сунул зайца обратно в ящик и пошёл исполнять приказание. Настя теперь не отходила от Ковалёва. Ей казалось, что Ковалёв главный: такой громадный и за зайчика заступился.

Шлюпку вытащили и вверх дном уложили на палубу поверху черепицы.

Вот жарким дыханием пахнул с берега бриз. Судно ожило. Все зашевелились. Матросы взяли за коромысло ручного брашпиля¹ и, поругиваясь и отдуваясь, выкатили якорь. Поставили паруса, и «Два друга» медленно

¹ Брашпиль — механизм для подъёма якоря.

Сідно випрямилось, перевалилось на другій борт и стало качаться тяжёлыми и широкими размахами.

прокатилось в ворота порта. Бриз усилился и хóдко¹ гнал судно вдоль берега. Вот уже далеко за кормой остался красный глаз маяка. Усталые люди спешили в койки...

Ковалёв стоял на руле.

— Смотри, Гришка, за ветром! Ненадёжная погода,— говорил ему боцман.

Старик поглядывал за борт, стараясь на глаз определить ход судна.

— Чуть что, буди меня, Коваль,— сказал он, оглядывая небо и паруса.— Дойдем до мыса, непременно разбуди. Я пойду сосну.

И боцман зашагал усталыми ногами к кубрику.

Ковалёв остался один. В отворенный люк хозяйской каюты он видел, как грек что-то писал в засаленной счетной книге.

Обе пассажирки спали тут же на узкой койке. Настя улыбалась во сне.

«Эта зайца своего видит,— подумал Ковалёв,— а дед всё пятакі считает».

В это время ветер вдруг прервал своё дыхание, судно выпрямилось, перевалилось на другой борт и стало качаться тяжёлыми и широкими размахами. Но снова подул с берега бриз, и судно, прилгши на правый борт, побежало по-прежнему.

Ковалёв беспокойно оглянул горизонт. Справа восходила полная луна. Её диск двумя узкими полосами перерезывали облака. Небо посветлело, и на нём тёмным силуэтом вырисовывались паруса судна. Но Ковалёв не отрывал глаз от той части горизонта, откуда выплывала луна. Он стал следить за облаками и ясно увидал теперь, что они идут навстречу ветру, подымаясь из-за горизонта вместе с луной.

---

¹ Х ó д к о — быстро, быстрым ходом.

Бриз усилился, и судно побежало быстрей. Ковалёву казалось, что оно спешит скорее в порт, как конь тянется к дому, чуя опасность. Теперь рулевой весь напрягся и чутко прислушивался. Вдруг его ухо уловило какой-то шум, как будто отдалённый гул толпы. Шум приближался, усиливался и скоро обратился в яростный рев.

— Хозяин,— закричал Ковалёв,— шквал идёт с подвётра!¹

Грек оглянулся.

— Тридцать девять и сорок пять, тридцать девять и... ах, чёрт! — сказал он и опять повернулся к столу.

Ковалёв опрометью² бросился к кюбрику.

Шум рос. Теперь уже казалось, что бешеная толпа с ревом несётся на судно.

— Хлопцы, хлопцы! — заорал Ковалёв в люк.— Шквал идёт!

Сонное лицо бóцмана показалось из люка.

— Чего орёшь? — бормотал он спросонья.

— Шквал! — крикнул Ковалёв, нагнувшись к самому уху старика.— Все навёрх!

Но он не успел кончить, как резкий порыв ветра налетел на судно, выстрелом рванул по парусам, и «Два друга» стремительно повалилось на левый борт. Ковалёв не удержался на ногах и полетел в люк, увлекая за собой по трапу бóцмана. На палубе загрохотала, зазвенела черепица, гулко стукнула о борт покати́вшаяся шлюпка; что-то трещало, лопалось и стонало; казалось, всё судно рассыдется на́двое; волной хлынула вода в люк кюбрика.

Шквал сделал своё дело и понёсся дальше.

Всё это совершилось мгновенно, никто не успел опомниться и что-нибудь сообразить. Сонные люди

---

¹ Подвётёр; подвётрeнный — обращённый в ту сторону откуда не дует ветер.

² Опрометью — очень быстро, стремительно.

попадали с кобк. Послышались испуганная ругань, проклятья. В тёмной тесноте, по колёно в воде, обезумевшие люди барахтались, наступали друг на друга, выли, ругались и молились. Ушибались об упавшие сундуки, пугались в мокрых одеялах, давили друг друга, в ужасе, в смертельном страхе ища дорогу к выходу. А выхода не было.

— Стой! — вдруг покрыл все голоса окрик Ковалёва.

Обезумевшие люди на мгновение замолчали, и стало слышно, как спокойно плещет вода в борт опрокинутого судна.

— Нас перекинуло ¹, — сказал Ковалёв, воспользовавшись минутой молчания, — мы не пошли под заныр ²: вон как зыбь в борт бьётся.

— Давай топор, — крикнул матрос Христо, — руби дно!

Все бросились искать топор. Но это было нелегко в этом мокром хаосе. Руки судорожно хватались в темноте за всякую палку, принимая её за ручку топора. Мешали двигаться висевший сверху привинченный к палубе стол, тряпье, мокрые подушки, путавшаяся в ногах верёвка.

— Есть, есть! — закричал Дмитрий, ухватив наконец топор.

— Повыше, повыше рубайте! — молил бόцман. — Вот тут!

Но в темноте никто не видал, куда он показывал. Вмиг сломали ящик-койку, которая преграждала путь к борту.

Ковалёв взял ошупью из рук Дмитрия топор.

— Рубай, рубай скорее, Гришка! — кричали люди.

Все знали силу Ковалёва. Топор застучал, щепки летели и били в лицо, но все старались протиснуться ближе.

---

¹ Перекинуло — здесь: перевернуло.

² Под заныр — на дно, под воду.

— Давай мне! — крикнул Христо, заметив, что Ковалёв устал.

И так, передавая топор из рук в руки, люди по очереди что было силы колотили топором, попадая в нарубленное место.

А опрокинутое судно плавало, находившийся внутри воздух не успел выйти, так внезапно его перевернуло. И этот-то воздух и держал судно на поверхности.

В кубрике становилось заметно душно. Запыхавшиеся люди часто дышали и спешили прорубить выход на волю, к свежему воздуху. Они боялись задохнуться и каждую минуту думали, что вот-вот судно начнёт погружаться под воду.

Ковалёв рубил в свою очередь. Он бил топором из последних сил и слышал по звуку, что немного уже оставалось. Сейчас будет дыра. Вот она. Лунный свет пробивался звёздочкой сквозь маленькое отверстие.

Ковалёв перевёл дух и хотел крикнуть товарищам, что уж виден свет. Он слышал тонкий свист прорвавшегося через дырку воздуха. Ковалёв приставил к дыре мокрый палец: нет, из дыры не дуло. Куда же идёт воздух? Ковалёв понял, что воздух не входит в каюту. А ведь слышно, как он идёт! Значит, вон из каюты выходит воздух?.. И вдруг всё сообразил. Их каюта — как опрокинутый вверх дном пустой стакан: если его пихать в воду, то воздух в стакане не даст войти воде; но если в дне такого стакана сделать дырку, то воздух уйдёт через неё и весь стакан заполнит вода.

— Дай топор! — кричал Дмитрий. Он шарил в темноте руки Ковалёва.

— Да давай же скорей! — кричали кругом.

Но Ковалёв быстро схватил плававшую под ногами щепку и забил ею отверстие.

— Стой, хлопцы! — кричал Ковалёв. — Не руби!

Дми́трий вѣрвал из его́ рук топо́р. Ковале́в знал, что Дми́трий сейча́с уда́рит, и пойма́л его́ за́ руку.

— Стой! Уда́ришь — пропа́ли все!

— Руба́й! — крича́л бо́цман.

— Нет! Во́здух уйдѣ́т! — выкри́кивал Ковале́в, уде́рживая ру́ку Дми́трия.— Вода́ снѣзу че́рез люк на-пира́ет... её во́здух сюда́ не пуска́ет... Дыра́ бу́дет... пото́нем, как мы́ши... сюда́ вода́ зайдѣ́т.

Все замолча́ли.

— Вот! — Ковале́в выде́рнул на вре́мя ще́пку из от-ве́рстия и, пойма́в в темноте́ чью́-то ру́ку, подне́с её к ды́рке.

— Ве́рно! — сказа́л го́лос бо́цмана.

— Все́ одно́ руба́й! — крича́л Хри́сто.

— Хло́пцы,— сказа́л Ковале́в, и все почув́ствовали, что он что́-то ва́жное ска́жет, и замо́лки,— сейча́с на во́ле бу́дем. Вот он, люк, я ного́й нащу́пал. Дава́й верѣ́вку, я подны́рну́, а вы по верѣ́вке за мной.

Хри́сто торопли́во стал сова́ть ему́ в ру́ку ко́нec ве́рѣвки. Ковале́в сорва́л с себя́ мо́крую оде́жду, бы́стро сде́лал на ко́нecе верѣ́вки পে́тлю, надел её че́рез плечо́ и исче́з под водо́й. Бьѣ́т прокля́тая верѣ́вка по ного́м, меша́ет плы́ть; обо что́-то о́строе ткну́лся Григо́рий голово́й, помутѣ́лось на мину́ту в мозгу́, но он все́ гребѣ́т рука́ми. Вот он, борт,— Ковале́в сту́кнулся в него́ те́менем. Не хвата́ет во́здуху — хоть водо́й дохни́. А там, внизу́, чуть светле́й: э́то пробива́ется лу́нный свет че́рез во́ду. Сбро́сить бы পে́тлю — вмиг на во́ле. Но Ковале́в изо всей си́лы де́рнул верѣ́вку к себе́ и ны́рнул под борт. Вот уж на той сторо́не. Оттолкну́лся из послѣ́дних сил ного́ми от бо́рта — грудь рѣ́тся, го́рло сжима́ет, вот-во́т дохне́т водо́й.

— Ну, на во́ле! Вот дохну́л-то! — огляде́лся Ковале́в.

Уже́ подня́вшаяся луна́ я́рко освеща́ла споко́йное

море. Лёгкий ветер тянул к берегу. Как брюхо огромного чудовища, чёрнело дно опрокинутого корабля. Обломки мачт и реи с парусами плавали тут же на оборванных снастях.

Ковалёв подплыл к реё и закрепил на ней свою петлю. Держался за рею и только дышал. Он сейчас ни о чём не думал, а глотал воздух, цену которому узнал только теперь. Странно было думать, глядя на огромный опрокинутый корпус судна, что там внутри копошатся и рвутся на волю живые люди.

Через несколько секунд показалась на поверхности воды голова Христо, а за ним вынырнули остальные.

Шлюпка, полная воды, но целая, плавала неподалёку, запутавшись в снастях.

Матросы подплыли к ней.

Ковалёв направился на обломке реи к корме, откуда раздавались глухие удары.

— Рубят, ей-богу, рубят! — крикнул Ковалёв.

Матросы как попало отливали воду из шлюпки и не слушали.

Ковалёв достал конец верёвки из воды, сделал опять петлю, надёл по-прежнему через плечо и нырнул под судно. Нашупал под водой люк в хозяйскую каюту.

А там и в самом деле рубили. Хозяин-грек отчаянно работал топором, силясь прорубить выход через дно.

Все вздрогнули в капитанской каюте, когда услышали голос Ковалёва.

— Брось рубить! Пропадёшь! — кричал он греку и хотел впотьмах схватить его руку.

— Оставь! — заорал грек. — Убью!

Ковалёв наскоро закрутил свою петлю за стол.

В темноте он нашупал женщину. На руках у неё — Настя.

— Давай девочку, а сама за нами по верёвке ныряй под судно.

— Ой, ой! — закричала женщина.

Но Ковалёв вырвал из её рук девочку, сгрёб подмышку. Одной рукой зажал ей рот и нос, а другой взялся за верёвку.

Перебирая верёвку одной рукой, он вынырнул с Настей около рёи.

Матросы подплывали на шлюпке, пробираясь между обломками снастей. Вслед за Ковалёвым вынырнула и женщина.

Все уселись в шлюпку.

Удары изнутри корабля всё яснее и яснее слышались, прерывались на минуту — видно, старик переводил дух — и снова гукали¹ в дно.

— Могилу себе рубает, — сказал Ковалёв. — Дорубится и поймёт.

Шлюпка стояла у борта, откуда слышались удары.

Все молчали и ждали. Вот уж совсем близко бьёт топор.

— Заткни дырку, могилу себе рубает! — кричал Ковалёв.

Христо что-то часто кричал по-гречески.

— Ныряй, хозяин, под палубу! — кричал Дмитрий.

Но старик или не понимал, или не слышал: рубил и рубил.

И вдруг послышался свистящий вздох. Это из невидимой дырки выходил воздух.

Удары топора бешено забарабанили по борту. Мелкие щепки летели наружу.

— Ай, ай, дедушка, дедушка! — крикнула Настя.

Вдруг стук сразу оборвался. С минуты все в шлюпке молчали.

— Ну, аминь, — сказал Ковалёв, — пропал старик.

Женщина вдруг вскочила, вырвала из рук Дмитрия

---

¹ Г у к а л и — здесь: стучали.

черпак и в отчаянии застучала по дну судна. Ответа не было.

— Отвѣливай! — скомандовал Ковалёв.

Шлюпка отошла. Лёгкий ветер гнал её к берегу и помогал гребцам.

— Чего ты, Настя? — спросил Ковалёв.

Девочка плакала:

— А зайчика? Где зайчика?

— Не плачь, — утешал матрос, — мама другого купит.

Шлюпка медленно двигалась, гребли чем попало: весла пропали, их не нашли.

— Вон, вон что-то! — вдруг крикнула Настя.

Все посмотрели, куда указывала девочка. Чёрное пятно маячило на воде справа.

Подошли.

Ящик плавал, слегка погрузившись в воду. Ковалёв засунул руку и достал мокрого, но живого зайца.

— Зайчик, вот он, зайчик! — крикнула Настя и стала заворачивать зайца в мокрый подол.

— Вот ведь: скотина бессмысленная спаслась, а человек пропал, — сказал Дмитрий и оглянулся на блестящее на луне осклизлое брюхо корабля.

Гребцы налегли: всем хотелось поскорее уйти от погибшего судна. Каждому чудилось, что грек ещё стучит топором по дну.

Через час шлюпка с пассажирами пристала к берегу.

Все немного оглянулись на море. Но там уже не видно было опрокинутого судна.

НАД ВОДОЙ

— Я так мечтала полететь к облакам, а теперь боюсь, боюсь! — говорила дама, которую подсаживал в каюту аэроплана толстый мужчина в дорожном пальто.

— Теперь — как по железной дороге, — утешал её толстяк, — даже лучше: никаких стрелочников, столкновений, снежных заносов.

За ними неторопливо протискивался военный с пакетами, с толстым портфелем и с револьвером повёрх шинели.

Долговязый мрачный пассажир с сердитым, подозрительным видом осматривал аппарат со всех сторон, ничего не понимал, но думал, что всё же надёжнее, если самому посмотреть.

Он подошёл к пилоту, который возился у рулём, и спросил сухим голосом:

— А скажите, в воздухе бывают бури? И эти ямы воздушные? Ведь ночью их не видать?

Пилот улыбнулся:

— Да и днём их не видно.

— А если провалимся, то?..

— Ну, пролетим вниз немного, не беда — мы высоко полетим.

— Ах, очень высоко? — вмешался молодой человек в синей кепке, тоже пассажир. — Это очень приятно! — сказал он храбро. Хотел улыбнуться, но вышло кисло.

Долговязый злобно взглянул на него и ушёл в каюту, где и уселся рядом с толстяком.

— Э-эй, обормоты! Не разливай бензина! — крикнул пилот мальчишкам, которые наполняли из жестянок бензинные баки.

— Ладно, чёрт! — сказал один из них и ловко вынул из отверстия бака сетчатый стакан, через который лился и фильтровался от сора бензин.

— Теперя хódче пойдёт¹. Чего зря-то мёрзнуть! А засорится мотор — так тебе, дьяволу, и надо, лайся² больше! Сам обормотина! — вполголоса ворчал мальчишка.

Наконец всё было готово, все десять пассажиров сидели по местам. Пора лететь. Механик ещё раз посмотрел, всё ли исправно.

— А что ж, меня-то возьмёшь? — спросил механика ученик Федорчук.

— Нет, ты тут подлётывай. В большой рейс тебя не рука³ брать. Лучше набрать чего-нибудь, повезти продать пуда четыре.

— Так ведь тут какое учёнье! Взяли бы — пригодилсь б, может быть.

— Какая от тебя польза? Одно слово — балласт⁴, — отрезал механик.

Но пилоту стало жаль Федорчука.

— Я всё равно никакой спекуляции везти не дам, чего там! Пусть учится. Одевайся — полетишь!

Федорчук бегом пустился в ангар⁵ одеваться.

Снялись.

Аппарат набирал высоты, выше и выше, шёл к снежным облакам, которые до горизонта обволокли небо

¹ Теперя хódче пойдёт — теперь быстрее потечёт.

² Л а я т ь с я — ругаться, браниться.

³ Н е р у к а — не нужно, некстати.

⁴ Б а л л а с т — лишний груз; обуза; здесь: бесполезный чело-
век.

⁵ А н г а р — сарай для стоянки самолётов.

плотным куполом. Там, выше этих облаков,— яркое яркое солнце, а внизу ослепительно белая пустыня — те же облака сверху.

Два мотора вертели два винта. За их треском трудно было слушать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата. Они переписывались на клочках бумаги. Некоторые не отрываясь глядели в окна, другие, наоборот, старались смотреть в пол, чтобы как-нибудь не увидеть, на какой они высоте, и не испугаться, но они чувствовали, что под ними, и от этого не могли ни о чём больше думать. Дама достала книжку и не отрываясь в неё смотрела, но ничего не понимала.

«А мы всё поднимаемся»,— написал на бумажке весёлый толстый пассажир, смотревший в окно, своему обалдевшему соседу.

Тот прочёл, махнул раздражённо рукой, натянул ещё глубже свою шляпу и ниже наклонился к полу. Толстый пассажир достал из саквояжа¹ бутерброды и принялся спокойно есть.

А вперёд, у управления, сидели пилот, механик и ученик. Все были тепло одеты, в кожаных шлёмах. Механик знаками показывал ученику на приборы: на альтиметр, который показывал высоту, на манометры, показывавшие давление масла и бензина. Ученик следил за его жёстами и писал у себя в книжечке вопросы корявыми буквами — руки были в огромных тёплых перчатках. Альтиметр показывал 800 метров и шёл вверх. Уже близко облака.

«А как в облаках?» — писал Федорчук.

«Чепуха, увидишь»,— ответил механик.

Ученик не спешил бояться, хоть никогда в облаках не был. Грешным делом², он всё-таки подумывал, что

---

¹ Саквояж — дорожная сумка.

² Грешным делом — выражение обозначает: хотя это и не хорошо.

непремѣнно должно выйти что-нибудь вроде столкновѣния. Впередѣ было совсѣм туманно, но черезъ минуту аппаратъ попалъ в полосу снѣга, который, казалось, летѣл не свѣрху, а прямо навстрѣчу.

Снег залепилъ окно впередѣ пилота — внизу ничего не было видно. Пилотъ правил по компасу, но все так же забиралъ выше и выше. Стало темнее.

Механикъ написалъ Федорчуку:

«Мы в облакахъ».

Вокругъ нихъ былъ густой туманъ, и стало темно, какъ в сумерки. Да и поздно было — оставалось полчаса до заката.

Но вотъ стало светлее, еще и еще, и яркое солнце совсемъ на горизонтѣ весело засверкало на залепленныхъ снѣгомъ стѣклахъ. Даже пассажиры, что смотрѣли в пол, приободрились и ожили. Сильный вѣтеръ от хода аппарата сдулъ налипшій на стѣкла снег, и стало видно яркую пелену внизу, до самаго горизонта, какъ будто над бесконечной снѣжной равниной несся аппаратъ.

Пилотъ смотрѣлъ по часамъ и высчитывалъ в умѣ, где они сейчасъ должны были быть. Солнце зашло. Механикъ включилъ свет, и оттого в каютѣ у пассажировъ стало уютней. Все привыкли к равномерному рѣву моторовъ и свисту вѣтра. В каютѣ было тепло, и можно было забыть, что под аппаратомъ полторы версты¹ пустого пространства, что если упасть, то ворон костей не соберетъ², что жизнь всехъ — в искусствѣ пилота и исправной работѣ моторовъ. Многие совсѣмъ развеселились, а толстый пассажиръ посылалъ всемъ смешныя записки.

Вдругъ в рѣв моторовъ ворвались какіе-то перебои. Пассажиры беспокойно переглянулись. Долговязый побледнѣлъ и в первый разъ взглянулъ в окно: оттуда на него

---

¹ Верста — мѣра длины, равная 1,06 километра.

² Ворон костей не соберетъ — выраженіе обозначаетъ: разобьешься такъ, что нельзя будетъ собрать останковъ.

глянула пустая́ темнота́, только́ отражéние лампочки тряслóсь в стеклé. Но перебо́и прекратились, и опять по-прéжнему рóвным вóем ревели́ моторы́.

«Не пугáйтесь,— писал толстя́к,— е́сли и ста́нут моторы́, мы сплани́руем».

«В мо́ре»,— приписал долговя́зый и передал записку о́братно.

Действительно, аппара́т летéл тепе́рь над мо́рем. Меха́ник напряжéнно слóшал ре́в моторо́в, как до́ктор слóшает се́рдце больно́го. Он по́нял, что был про́пуск, что, вероятно́, засори́лся карбюра́тор¹ — че́рез него́ попада́ет бензи́н в мото́р, а что тепе́рь пронесло́², но уже́ знал, что бензи́н не чист, и боя́лся, что засори́тся карбюра́тор— и ста́нет мото́р.

Федорчу́к спроси́л, в че́м де́ло. Но меха́ник отмахну́лся и, не отвеча́я, продолжа́л напряжéнно прислу́шиваться. Учени́к стара́лся сам догада́ться, этче́го э́то поперхну́лся мото́р. Ты́сяча причин: магни́то, свéчи, кла́паны — и како́й мото́р, пра́вый или ле́вый? В ка́ждом мото́ре о́пять же два карбюра́тора. Федорчу́ку то́же приходи́ло в го́лову, не засори́лось ли.

«Ну,— подумал Федорчу́к,— бу́дем плани́ровать и чини́ться в во́здухе».

Но ему́ бы́ло удивительно́, почему́ так перепуга́лся э́тот зна́ющий меха́ник. Тако́й он трус и́ли в са́мом де́ле что́-нибудь серьёзное, че́го в полёте не испра́вить, а он, новичо́к, не понима́ет?

Но тут ре́в моторо́в стал вдво́е слабее́. Пилóт поверну́л руль и вы́ключил ле́вый мото́р. Федорчу́к по́нял, что пра́вый стал сам.

Меха́ник побледне́л и стал кача́ть ручно́й по́мпой³

---

¹ К а р б ю р а т о р — часть мото́ра, где пары́ бензи́на сме́шиваются с во́здухом.

² П р о н е с л о́ — здесь: прошло́ благополучно́.

³ П о м п а — насос.

воздух в бензи́нный бак. Федорчу́к сообразил, что он хо́чет напóром бензи́на прочи́стить засорившийся карбюра́тор, но знал уже́, что э́то ни к чему́. Пилóт крича́л на́ ухо меха́нику, что́бы тот шёл на крыло́ нала́дить оста́новившийся мото́р.

Альтимéтр показывал 1200 мэ́тров.

А в каю́те встрево́женные пассажи́ры гляде́ли друг дру́гу в испуганные лица́, и да́же толстя́к писа́л не совсем чётко: рука́ его́ трясла́сь небольшо́.

«Мы плани́руем, сейча́с испра́вят мото́р, и мы полети́м».

Но мы́сленно все прибавля́ли: «Вниз голово́й в мо́ре».

Пассажи́ры не зна́ли, на како́й о́ни высотé. Все боя́лись мо́ря внизú, и в то же вре́мя их пуга́ла высотá.

Долговя́зый пассажи́р вдруг сорва́лся с ме́ста и брóсился к дверя́м каю́ты; он дёргал ру́чку, как бу́дто хо́тел вы́рваться из горя́щего до́ма. Но дверь была́ заперта́ снару́жи. Да́ма выпустила́ из рук кни́жку, ди́ко, пронзи́тельно закрича́ла. Все вздро́гнули, вскочи́ли с мест и ста́ли бесце́льно метáться¹.

Толстя́к повто́рял, не понима́я свои́х слов:

— Я скажу́, что́бы лете́ли, сейча́с скажу́!..

Да́ма поверну́лась к окну́ и вдруг ме́лко и сла́бо забараба́нила кулачка́ми по стеклу́, но сейча́с же упáла без чувств попере́к каю́ты.

Воённый, блéдный как полотно́, стоя́л и гляде́л в чёрное окно́ остано́вившимися глаза́ми. Колéни его́ трясли́сь, он ё́ле стоя́л на нога́х, но не мог отве́сти́ глаз. Молодо́й челове́к в си́ней кепке́ закры́л лицó рука́ми, как бу́дто у него́ болéли зу́бы. В перéднем углу́ пожи́ло́й пассажи́р мота́л боле́зненно голово́й и вскри́кивал: «Га-га-га́». В такт э́тому кри́ку всё сильне́е дёргалась ру́чка двéри и бо́льше раска́чивался молодóй челове́к.

---

¹ Метáться — суетли́во, в волне́нии ходи́ть, дви́гаться в разны́е сто́роны.

«Га-га-га» перешло в иступлённый рёв, и вдруг все пассажиры завьили, застонали раздирающим хором.

А механик всё возился, всё подкачивал помпу, стучал пальцем по стеклу манометра. Пилот толкнул его локтем и строго кивнул головой в сторону выхода на крыло. Механик сунулся, но сейчас же вернулся — он стал рыться в ящике с инструментами, а они лежали в своих гнездах, в строгом порядке. Хватал один ключ, бросал, мотал головой, что-то шептал и снова рылся. Федорчук теперь ясно видел, что механик струсил и ни за что уж не выйдет на крыло. Пилот раздражённо толкнул механика кулаком в шлем и ткнул пальцем на альтиметр: он показывал 150.

Сто пятьдесят метров до моря.

Механик утвердительно закивал головой и ещё быстрее стал перебирать инструменты. Пилот крикнул:

— Возьми руль!

Хотел встать и сам пойти к мотору, но механик испуганно замахал руками и откинулся на спинку сиденья.

Федорчук вскочил.

— Давай ключ! — крикнул он механику.

Тот дрожащей рукой сунул ему в руки маленький гаечный ключик. Федорчук вышел на крыло.

Резкий, пронизывающий ветер нес холодный туман; он скользкой корой намерзал на крыльях, на стойках, на проволочных тягах.

— К мотору!

Рискуя каждую секунду слететь вниз, добрался Федорчук до мотора. Тёплый ещё.

Федорчук слышал вой из пассажирской каюты и нащупывал на карбюраторе нужную гайку.

— Вот она!

Скользко стоять, ветер ревет и толкает с крыла. Вот гайка подалась.

Рискує кáждую мiнiту слетéть вниз, добрався Федорчiк до мотóра.

— Идёт дело!

Спешит Федорчук, и уж слышно, как ревет внизу море. Ещё минута, другая — и аппарат со всеми людьми потонет в мёрзлой воде.

— Готово!

Теперь гайку на место! Замёрзли пальцы, не падает на резьбу проклятая гайка. Сейчас, сейчас на месте, теперь немного ещё притянуть.

— Есть!—заорал Федорчук во всю силу своих лёгких.

Включили электрический пуск, и заревели моторы. В каюте все сразу стихли и опустились где кто был: на пол, на диван, друг на друга. Толстяк первый пришёл в себя и стал подымать бесчувственную даму.

А Федорчук смело лез по крылу назад к управлению. У него весело было на сердце. Порывы штормового ветра бросали аппарат. Федорчук взялся за ручку дверцы, но соскользнула нога с обледенелого крыла, ручка выскользнула из рук, и Федорчук сорвался в тёмную пустоту.

Через минуту пилот злобно взглянул на механика. Тот, бледный, всё ещё перебирал инструменты в ящике. Оба понимали, почему нет Федорчука.

ПОД ВОДОЙ

Был ясный, солнечный день. Эскадра, состоявшая из двух дивизионных миноносцев и дивизиона подводных лодок, вышла на манёвры¹ в море. Лёгкий ветер и весёлая зыбь. Совсем по-праздничному. С головного миноносца давали сигналы, и суда перестраивались. Сигнальщики, на обязанности которых разбирать и передавать сигналы, во все глаза в бинокли наблюдали за мачтой головного судна, чтобы не пропустить сигнала. А там то и дело подымались и опускались сигнальные флажки. Подводные лодки шли, выставив свою серую спину из воды, как морские чудовища. Как сердце, глухо стучал внутри каждый дизель-мотор. Сегодня всем было весело, даже кочегары на миноносцах, наглухо закупоренные в котельном отделении, как в коробке, чувствовали веселое напряжение и, хоть не видели, что наверху делалось, знали, что что-то удалоё затевается и уже никак нельзя подгадать, и все бойко шевелились в жаркой атмосфере кочегарки, поминутно поглядывали на манометр: не упал бы хоть на йоту² пар. На подводных лодках всё было в ещё большем напряжении: каждую минуту ждали приказанья погрузиться в воду, и каждому командиру

---

¹ Манёвры — занятия, учёба в условиях, близких к боевым.

² Йота — самая малая часть.

хотелось это сделать на виду у всей эскадры первому. Люди стояли по местам. Вот-вот прикажут под воду — дизель-мотор надо остановить и пустить в ход электрический мотор, ток для которого запасён в аккумуляторах; задраить¹ наглухо входной люк и выставить из воды перископ — длинную трубку, этот глаз подводной лодки: через неё из-под воды можно видеть всё, что делается на поверхности. Вдали на горизонте едва обозначался силуэт крейсера: там адмирал, он наблюдает за всеми движениями эскадры, следит, правильно ли суда выполняют то, что им приказано сделать.

Все чувствовали, что дело идёт пока превосходно: суда перестраиваются быстро и точно, совсем как солдаты на ученье, держат правильные расстояния, все идут одной скоростью, все одинаковые, как игрушки новые, и, кажется, дымят даже одинаково.

Подводной лодкой № 17 командовал лейтенант Я. Он хорошо знал своё судно и надеялся, что теперь он, пожалуй, погрузится вторым; № 11 погружался всегда так, как будто его какая-то рука сразу топила, жутко смотреть — за ним не угнаться. Ну, а другим лейтенант Я. спуску не даст². Команда как один. Всем хотелось не дать промашки³. По сигналу надо погрузиться и атаковать адмиральский крейсер, затем, не всплывая на поверхность, вернуться в порт. А завтра будет отчет о манёврах, и целый день можно гулять, ходить к знакомым в городе и рассказывать про эту весёлую прогулку. Мичман⁴, не доверяя сигнальщику, сам тоже смотрел в большой бинокль на мачту главного миныносца, ожидая условленного сигнала. Механик со своими машинистами

---

¹ Задрать — закрыть.

² Спуску не даст — не уступит; здесь: делает хорошо, лучше других.

³ Не дать промашки — не ошибиться.

⁴ Мичман — первый морской офицерский чин.

напряжённно ждал команды сверху. Всё было так натянуто, что, кажется, чихни теперь кто-нибудь громко, и все дружно стали бы переводить лодку в подводное состояние.

— Ну что? Есть? — спрашивал лейтенант каждый раз, когда новые флаги появлялись на главном миноносце.

— Не нам, — вздохнув, отвечал мичман.

— Есть! — вдруг закричал мичман, отрывая от глаз бинокль.

Капитан стал командовать к спуску, но он ещё не договорил команды, как дизель уже стал и вместо него запёл, зажужжал электромотор, уже стали наполняться цистерны¹ балластной водой, всё делалось само собой: спустился курок напряжённого ожидания, и руки, которые томилась² наготове, быстро делали своё дело.

Вот уже под водой и на столике под перископом шатается на качке мелкая весёлая картинка моря, бегущих миноносцев, а вон, как точка вдаль, — адмиральский крейсер.

Нет, хорошо идут нынче манёвры — всем было весело и радостно.

Вот уже близко крейсер. Теперь надо убрать перископ и идти по компасу в том же направлении. Перископ виден; он торчит всё же из воды, и от него, как усы, в обе стороны расходятся от ходу тонкие волны. Уже подойдя ближе, надо только на минуточку его выставить, чтобы проверить своё движение, потом подойти как можно ближе и выпустить мину... конечно, учебную, холостую.

Кажется, всё удалось. № 17 взял по компасу обратный курс и пошёл к порту. Теперь опять поставили перископ, и ясный день снова заиграл на белом столике.

---

¹ Цистерна — помещение в подводной лодке, куда заливается для балласта (груза) вода (балластная вода).

² Томиться — ждать, мучиться от ожидания.

— Ну, молодой человек, поздравляю,— сказал пожилой мичманский офицер мичману.— Первые маневры, не так ли? Чего на часы смотрите? Уж ждет вас кто-нибудь на берегу? — И он лукаво погрозил пальцем.

Мичман покраснел и улыбнулся.

— Нет, на что это в порт под водой? — продолжал минер.— Шутки шутками, а курить до смерти хочется. Далеко еще?

— Я считаю, что уже не больше часу,— сказал мичман и посмотрел на свои часы-браслет.

Справа виден был недалекий перископ другой подводной лодки. Она понемногу обгоняла. Мичман завидовал и каждую минуту смотрел на часы.

— Ну, скажите,— приставал минер,— сейчас на берег, белый китель — и на бульвар! Не терпится?

Мичман отвернулся, но видно было, что улыбался.

Лейтенант сохранял спокойный деловой вид. Его тоже разбирало веселье удачи и радовал веселый вид под перископом, но он сдерживался, чтобы казаться солиднее.

Его интересовало, каким он опустился: вторым или опоздал. Он уже думал, что ничего, если и третьим.

Но вот он, порт. Прошли в ворота. Впереди на якорь торчит всем корпусом из воды порожний коммерческий пароход. «Тут пятьдесят футов¹, пароход сидит не больше двадцати. Есть где пройти под ним,— подумал лейтенант.— Эх, убраться перископ и поднырнуть под пароход!» Веселость вырвалась наружу. Перископ убран, рулями дали уклон лодке вниз и потом стали подыматься.

Но в это время сразу ход лодки замедлился. Все пошатнулись вперед. Лейтенант вздрогнул. Минер вопросительно на него взглянул.

— Сели на мель? Так ведь? — спросил он лейтенанта.

Рули были поставлены на подъем, винт работал, а

---

¹ Фут — старинная мера длины, равная 30,5 сантиметра.

прибóры показывали, что лóдка на той же глубинé. Лейтенáнт вспомнил, что тут в порту глинíстое, липкое дно; пóнял, что лóдка своим брúхом влипла в эту вязкую жíжу. И как нóгу трудно оторвáть от размо́кшей глинистой доро́ги, так лóдке тепе́рь почти́ невозможно оторвáться от дна. Лейтенáнт всё это сообража́л, и как он тепе́рь раскáивался, что реши́лся, подда́вшись весёлости, на этот мальчи́шеский посту́пок! Он приказáл вы́качать во́ду изо всех цистерн. Ми́чман хоте́л показáть, что он ниче́го не боится, и вёсело ходи́л смотре́ть, исполнено ли приказáние лейтенáнта. Но вся кома́нда понимáла, что де́ло пло́хо, и сосредото́ченно исполня́ла приказáния. Лейтенáнт смотре́л на прибóры.

Ну хоть бы что двинулось! Прибóры показывали ту же глубинú.

«Надо попробовать раскáчать лóдку,— думал лейтенáнт.— Пусть вся кома́нда перебега́ет из но́са в корму́ и обрат́но. Мо́жет быть, то́лько чуть-чуть в одно́м ме́сте де́ржит её эта́ липкая до́нная грязь».

Кома́нда ста́ла перебега́ть из но́са в корму́ и обрат́но, насколько́ это позволя́ло вну́треннее устро́йство лóдки, загоро́женное прибóрами, аппара́тами. Лóдка ме́дленно раскáчивалась, и лейтенáнту представля́лось, как липкая глина́ де́ржит в своём це́пком гнезде́ кру́глое брúхо лóдки и лóдку не оторвáть от глины́, как не разня́ть две мо́крые пласти́нки стекла́.

Ста́ли раскáчивать с бо́рта на борт. Лóдка немно́го перева́ливалась. Старáлись угада́ть такт¹, что́бы во́время поддава́ть, как раскáчивают качéли. Но и это́ не помогло́. Лейтенáнт смотре́л на прибóры, и все по его́ лицу́ чита́ли, что де́ло не подвинулось ни на́ волос.

— Мы ещё́, быть мо́жет, бо́льше зака́пываемся,— мра́чно проворча́л меха́ник.

Лейтенáнт ниче́го не отве́тил. Он, нахму́рясь, смотре́л

---

¹ Такт — здесь: момен́т.

вниз, что-то усиленно соображая. Все ждали и смотрели на него. Он чувствовал эти взгляды и напряжённое ожидание, и это мешало ему спокойно соображать. Он как будто видел сквозь железную обшивку лодки эту липкую, полужидкую глину, которая присосала дно судна; хотелось выскочить наружу и выручить судно хоть ценой своей жизни. Он повернулся и ушёл в свою каюту, приказав остановить мотор.

Механик посмотрел сам на приборы.

— Над нами всего двадцать пять футов воды,— сказал он.

Все молчали. Слышно было, как шлёпает вверх колёсами пароход. Кажалось, он толкся¹ на месте.

— Буксир идёт,— шепотом сказал один матрос.

— Покричи им,— пошутил кто-то.

Все ждали капитана. А он сидел у себя, в своей крошечной каютке, и не мог сосредоточить своих мыслей. Он всё думал о том, что из-за его шалости все эти люди погибли, что нельзя даже крикнуть «спасайся, кто может», потому что никто не может спастись — все они плотно припаяны ко дну этим глинистым грунтом и не могут вырваться из железной коробки. Эта мысль жгла его и туманила разум.

Ему было бы легче, если бы весь экипаж возмущился, если б на него набросились, стали бы упрекать, проклинать, а лучше всего, если б убили.

А весь экипаж собрался около рулевого управления, изредка шептались, коротко и серьёзно. Мичман всё посматривал на часы, но теперь не понимал уж, который час.

— Сколько времени? — спросил минёр.

Мичман снова взглянул на браслет.

— Четыре часа,— сказал он, но так напряжённо-спокойно, что все поняли, как он боится.

---

¹ Толкаться — в смысле топтаться — не двигаться вперёд.

— Ну, ещё на час...— начал было механик.

Он хотел сказать «на час хвátит вóздуху», но спохватился, боясь волновать команду. Но все поняли, что если не спасут их, если не найдут и не вытащат, то вот всего этот час и остаётся им жить.

Тяжёлый вздох пронёсся над кучкой людей.

— Что ж капитан? — с нетерпеливой тоской сказал механик. Он раздражлся и терял присутствие духа¹.

— Ну что капитан? — сказал задумчиво минёр.— Что капитан? Что он может сделать, капитан?

Мичман стоял красный, опершись о переборку, и всё смотрел на свой браслёт, как будто ждал срóка, когда придёт спасение.

— Ведь мы через час задохнёмся. Эй, вы,— раздражённо сказал механик по-английски и дёрнул мичмана за руку,— пойдите скажите капитану, что остаётся час! Идите сейчас же.

Но в это время сам капитан показáлся в проходѣ. Он был блѣден как бумага, и лицо при свете электрической лампы казалось совсем мёртвым. Его не сразу узнали и испугались, откуда мог взяться этот человек. Только чёрные глаза жили, и в них билась боль и решимость.

Все смотрели на него, но никто не ждал приказаний — все забыли об опасности, глядя на это лицо.

— Я пришёл вам сказать,— начал капитан,— что я, я виноват во всём. И не по оплóшности², а по шáлости, вы сами это знаете, поднырнул — не надо было. Убейте меня.

Он держал за ствол браунинг и протягивал его рукояткой вперёд.

— Что вы, что вы! — раздались голоса из команды.— Ещё, может, спасут! А не то уж вместе как-нибудь.

---

¹ Присутствие духа — спокойствие, умение сдерживать свои чувства.

² Оплóшность — ошибка.

Капитан с минуты глядел на команду твёрдыми, горящими глазами. Затем круто повернулся и пошёл назад. Мичман побежал вслед за ним.

— Капитан, не беспокойтесь...— начал было он.

Но в лице капитана не было беспокойства.

— Вот, возьмите,— сказал он, передавая мичману судовый журнал,— и пишите дальше.

— Приказаний никаких?

— Я советую людям лечь и не двигаться, тогда надёжнее хватит воздуха. Может быть, дождётся помощи, нас хватятся. Берегите воздух. Пишите, пока будет можно. Ступайте.

Мичман вышел и передал распоряжение капитана. Все молча разошлись и легли.

Мичман сел за стол, раскрыл журнал.

«...20 июня 1912 года в 2 часа 40 мин. пополудни,— прочёл он написанное рукой капитана,— я, лейтенант Я., командир подводной лодки № 17, из мальчишеской шалости, вместо того чтобы обойти стоящий в порту пароход, нырнул под него и, не успев подняться, сел на липкий грунт, чем и погубил 13 человек экипажа. Для спасения пытался...» Затем шло описание попыток раскачать лодку и замечание, что команда вела себя героически, не упрекнув его ни словом и не выйдя из повиновения.

«4 ч. 17 мин.,— написал мичман,— принял журнал от лейтенанта Я. Команда лежит по койкам».

«4 ч. 29 мин. над нами быстро прошёл винтовой пароход».

«4 ч. 40 мин. застрелился лейтенант Я. в своей каюте. Прилагаю его записку:

«Я не имею права дышать этим воздухом».

«5 ч. 10 мин. задохся машинист Семёнов. Не могу писать и передаю журнал мичману...»

«5 ч. 12 мин.,— писал минёр,— что-то скребнуло

— Я пришёл вам сказать, что я виноват во всём.. Убейте меня..

по ко́рпусу су́дна. Комáнда задыхáется. Не могу́ встать. Чтó-то...»

Но тут за́пись прервалáсь нерóвным рóсчерком внизú; очевíдно, перó вы́валилось из рук писáвшего.

А наверху́ два миноно́сца тащíли по дну прóволочный канáт, концы́ котóрого бы́ли привязаны к их кормáм. Желéзная пётля тяну́лась по дну и шарíла подвóдную лóдку. С торго́вого парохо́да сказа́ли, что ви́дели пернско́п спра́ва, потóм он исчéз и сно́ва не показáлся. Сказа́ли, когда́ уж по всему́ порту разнесла́сь весть, что № 17 с манёвров не верну́лся.

Миноно́сцы бы́стро шарíли по всему́ порту, другая́ па́ртия иска́ла в мо́ре по пути́ эска́дры, пока́ не да́ли знать с торго́вого парохо́да. Миноно́сцы брóсились в ука́занное ме́сто; все зна́ли, что ка́ждая мину́та мо́жет сто́ить жи́зни люде́й.

На миноно́сце закрича́ли, когда́ увидáли, как натяну́лся прóволочный канáт, задéв за лóдку. На берегú толпа́ с напряжéнием следíла за рабóтой миноно́сцев и радóстно загудéла, услышав крик. Канáт вы́вернул лóдку из её липкого гнездá, и она́ всплыла́ на повёрхность. Спе́шно зарабо́тали мастеровы́е, раскúпоривая этот желéзный склеп. Врачи́ брóсились спаса́ть; всё ужé было́ пригото́влено. Не привели́ в себя́ то́лько тро́их, среди́ них и ми́чмана. Стрáнно бы́ло слы́шать, как часы́ всё тика́ли на мёртвой рукé.

«МАРИЯ» И «МЭРИ»

Это было в Чёрном море в ноябрé месяце. Рúсская парусная шхúна¹ «Марíя» под командой хозяина Афанáсия Нечепурénки шла в Болгáрию с гру́зом жмыхов² в трюме. Была́ ночь, и дул све́жий вéтер с восто́ка, холо́дный и с дождём. Вéтер был почти́ попу́тный. Тяжёлые, намóкшие парусá едва́ мая́чили на тёмном небе́ чёрными пята́ми. По ма́чтам и сна́стям холо́дными стру́ями сбегáла вода́. На мо́крой пáлубе было́ темно́ и ско́льзко. Впро́чем, сейча́с и ходи́ть было́ не́кому. Оди́н рулево́й стоя́л у штурва́ла и ёжилсá, когда́ холо́дная стру́я попада́ла с ша́пки за во́рот. В матро́сском кúбрике, в носу́ сúдна, в сыро́й духоте́ спáло по ко́йкам пять чело́век матро́сов. Ки́сло па́хло махо́ркой и грязным чело́вечьим жильём. Мальчи́шку Фёдьку кусáли блóхи, и ему́ не спало́сь. Бýло ду́шно. Он встал, нащúпал трап и вы́шел на пáлубу. Он натяну́л на го́лову рва́ный бушлат³ и зашлёпал босико́м по мо́крым доска́м. Слы́шно было́, как хлётко поддава́ла зыбь в корму́. Фёдька хорошо́ узна́л пáлубу за два го́да и в темноте́ не спотыка́лся.

---

¹ Ш х у н а — двухма́чтовое и́ли трёхма́чтовое сúдно с косы́ми паруса́ми.

² Ж м ы х и — оста́тки семя́н ма́сличных расте́ний по́сле выжи́мания из них ма́сла.

³ Б у ш л а т — матро́сская суконная кúртка.

Море казалось чёрным, как чернила, и только кое-где скалились белые гребешки.

Фёдка заглянул в люк хозяйской каюты. Там вспыхивал огонёк папиросы.

— Эгэ! — крикнул Нечепурёнка. — Кто це? ¹ Хвёдка? А ну, ходы! ²

Фёдка спустился в каюту.

— Хлопцы огонь задүли? ³ Ну-ну! Жгут дурно ⁴ керосин, не в думках ⁵, что в деревне люди с каганцами ⁶ живуть.

Огня не было не только в кубрике, но не были выставлены и отличительные огни по бортам: справа зелёный и слева красный. По этим огням судя ночью узнают друг друга и избегают столкновений.

— Як не спишь? ⁷, — продолжал хозяин, — то уж не спи: тут могут пароходы встретиться. Поглядывай в море.

Фёдка подошёл к рулевому.

— Что трясёшься? — спросил рулевой. — Ямы боишься?

— Та смерз ⁸, — сказал Фёдка. — А какá та яма? ⁹

— Не знаёшь?

Фёдка много слыхал россказней про яму, не верил им, но всё-таки любил послушать. А ночью так и побавивался: а вдруг в самом деле есть?

— Немá никакой ямы, — сказал Фёдка. — Ты её видáл?

---

¹ Кто це? (укр.) — Кто это?

² Ходы (укр.) — иди сюда.

³ Задүли (укр.) — погасили.

⁴ Жгут дурно (укр.) — жгут не жалёя.

⁵ Не в думках (укр.) — не думают.

⁶ Каганец — светильник, плóшка с маслом и фитилём.

⁷ Як не спишь (укр.) — если не спишь.

⁸ Та смерз (укр.) — да замёрз, озяб.

⁹ Какá та яма? (укр.) — Какáя эта яма?

— А вот и видáл: там повсегдá¹ зыбь. Ревёт! — аж вóет. Я раз с грéками плáвал, видáл, как сýдно тудá утяну́ло. Хоп — и áмба!

— Брéшешь! — испугáлся Фéдька.

— Вот чтоб я пропáл! Парохóды затягáет,

— А где ж она́?

— Аккурáт посерéдь мóря. Грéки знáют.

— Да врéшь ты! — отмáхивался Фéдька.

— Вёрное слóво. Вот чегó Афанáсий не спит? — добáвил рулевóй вполгóлоса. — Накаж́и меня́ бог, я́мы бойт́ся.

— Фéдька! — кри́кнул из каю́ты хозя́ин. — Смотри́ огни́! Уши развёсил!²

Фéдька стал вглядываться в темноту́, и действítельно далекó впереди́, спра́ва, ему́ показáлся бéлый огонёк. А сам прислу́шался, не гудит ли впереди́ я́ма.

...Англи́йский грузовóй парохóд «Мэри» с пóльным гру́зом рýсского хлéба шёл, направля́ясь вдоль за́падного бéрега Чёрного́ мóря, в Босфóр, чтоб оттúда иди́ти дáльше, в Ливерпу́ль.

Зелёный и крас́ный огни́ ярко свети́лись по бортам; там горéли си́льные электри́ческие лампы. Ещё оди́н, бéлый, огонёк горéл на мáчте. Этот огонёк на мáчте но́сят парохóды в отличие от па́русных судóв, котóрым парохóды всегдá должны́ уступáть в мóре дорóгу.

Парохóд был недáвно пострóен, всё бы́ло нóвенькое, и испрáвная машинá работала́ как часы́. На носу́ сýдна стоя́л ва́хтенный «ба́ковый»³ и зóрко смотре́л вперед. Тут же висéл большóй сигна́льный кóлокол, котóрым ба́ковый дава́л знáть ва́хтенному штúрману, когдá поя́вится на горизóнте огонёк: удáрит раз — знáчит, огонёк спра́ва, два — слéва, три рáза — прýмо по пу́ти парохóда.

¹ Повсегдá (укр.) — всегдá.

² Уши развёсил — зазевáлся, заслу́шался.

³ Ва́хтенный «ба́ковый» — дежýрный матрóс, стоя́щий на ба́ке; ба́к — носова́я часть вёрхней пáлубы корабля́.

Молодой помощник капитана, штурман Юз, был на вахте и ходил взад и вперед по капитанскому мостику.

Вдруг он услышал три спешных удара в колокол с бака. Он глянул вперед: почти перед самым носом парохода слабо мигал зеленый огонек.

— Лево на борт! — крикнул Юз рулевому, и пароход резко покатился влево.

Рен парусника едва не задел пароход.

— Четвертый раз! — ворчал про себя Юз. — На курс! — командовал он рулевому.

Рулевой повернул штурвал, заляцала¹ рулевая машина, и пароход пошел по прежнему направлению.

Капитан Паркер сидел на кожаном диванчике в своей каюте, которая помещалась тут же, у капитанского мостика. Две электрические лампочки горели над полированным столиком, на котором стояла бутылка виски² и сифон содовой воды. Капитан курил из трубки душистый английский табак и записывал в свой кожаный альбом русские впечатления. Он боялся, что за длинную дорогу забудет и не сумеет толком рассказать своим ливерпульским друзьям про Россию.

«На улицах громко говорят, кричат, — писал он, — на тротуарах толкаются и не извиняются...»

Бах, бах, бах! — опять раздалось три удара с бака.

Капитан Паркер надел фуражку и выскочил из каюты.

— В чем дело, Юз? Опять? — спросил он помощника.

— Право, право, еще право! — командовал Юз.

Красный огонек совсем близко проскользнул мимо левого борта.

— Что они, издеваются? — сказал Паркер.

---

¹ З а к л я ц а т ь — застучать.

² В и с к и — английская водка.

— Мы ведь должны уступать паруснику по закону,— ответил Юз.

— Но ведь закон, мистер Юз, запрещает ходить в море без огней, как пираты. Или вы считаете правильным, когда огни внезапно появляются за три сажени? ¹ — назидательно ² сказал капитан.

— Что же, бить? — спросил Юз.

— Надо быть твердым, когда ты прав.

— Конечно, следовало бы проучить,— слабо заметил Юз.

— Ну, а раз так, то не меняйте в таких случаях курса, Юз,— ответил Паркер.

Капитан круто повернулся и ушел к себе в каюту.

Артур Паркер представил себе, как его пароход, гладко выкрашенный в красивый серый цвет, горит яркими электрическими огнями, чистый, сильный, гордо идет среди этих замухрышек парусников. Джентльмен в толпе дикарей.

Он вспомнил, как в русском порту его два раза толкнули на улице. Он не успел опомниться, как уже обидчик куда-то исчез.

Артур Паркер представлял, как он будет рассказывать про это в Ливерпуле и как все будут ждать, что он сейчас скажет, как он сумел показать этим дикарям, с кем они имеют дело. А сказать было нечего. Паркер сильно досадовал на себя.

«Вот и с этим парусником упущен случай. Этот разня Юз! Надо было просто — трах! Довольно миндальничать ³, носите огни в море... Какой был удобный случай проучить эту публику!» — досадовал капитан.

---

¹ Сажень — старинная мера длины, равная 2 метрам 13 сантиметрам.

² Назидательно — поучительно.

³ Миндальничать — нежничать, проявлять без основания излишнюю мягкость.

Паркер снова вышел на мостик. Он надеялся всё-таки, что вдруг представится ещё такой же случай, и не рассчитывал на Юза.

— Онí, ка́жется, вас вы́дрессировали, Юз,— ёдко сказа́л он помо́щнику.— Вы лóвко обхо́дите э́тих госпо́д, юли́те, как лаке́й в рестора́не.

Юз молча́л и смотре́л вперёд.

— Дя́дку,— крикну́л Фё́дка хозя́ину,— вже бли́ще¹ о́гонь, парохо́д аккура́т на нас иде́т!

Нечепуре́нко вы́сунулся из каю́ты.

— А та́ки здоро́вый парохо́д,— сказа́л он, помолча́в,— должно́², с Оде́ссы, с хле́бом. А ты где, Фё́дка, заки́нул той ста́рый фали́нь?³ С него́ ще до́бры постромки́ вы́йдуть.

— Дя́дку! Ой, фина́р⁴ дава́йте! — крича́л Фё́дка.

Он не спуска́л глаз с парохо́да, и ему́ я́сно бы́ло, что е́сли парохо́д че́рез мину́ту не сверне́т, то столкнове́ние неизбе́жно.

Рулево́й не вы́держал и стал забира́ть ле́во.

— Що зляка́всь?⁵ — крикну́л Нечепуре́нко.— Держи́, бисова́ душа́, як було́! На́ се́рники⁶,— обрати́лся он к Фё́дке.

Фё́дка вы́рвал из рук хозя́ина коробо́к спи́чек и броси́лся в каю́ту, нащупа́л на стене́ фона́рь, чиркну́л спи́чку — кра́сный. На́до пра́вый, зеле́ный. Впопыха́х, дрожа́щими рука́ми Фё́дка чирка́л спи́чку за спи́чкой; онí лома́лись, ту́хли, он не мог заже́чь нагоревше́й свети́льни.

¹ В же бли́ще (укр.) — уже́ бли́же.

² Должно́ — вероятно́, должно́ быть.

³ Фали́нь (укр.) — верёвка, кото́рой лóдка привязывается к бе́регу или к кораблю́.

⁴ Фина́р (укр.) — фона́рь.

⁵ Що зляка́всь? (укр.) — Чего́ испуга́лся?

⁶ Се́рники — спи́чки.

*Федька видел, как с неудержимой силой на них из темноты летел
высокий нос парохода.*

Горит! Фёдка с маху захлопнул дверцу — фонарь мигнул и потух.

— Не сдавайсь под ветер! — слышал он, как кричал наверху хозяин рулевому.

Фёдка снова чиркал спички, чувствовал, что теперь уж каждая секунда стоит жизни. Наконец он выбежал с зелёным огнём на палубу и направил фонарь к пароходу.

Пароход был совсем близко, и Фёдке казалось, что прямо в упор глядят красный и зелёный глаза парохода.

Он услышал, что там спешно пробили три удара в колокол.

— Так держать! — крикнул Нечепуренко злым голосом.

— Так держать! — раздалась жёсткая команда по-английски на пароходе.

Не меняя курса, «Мэри» шла прямо на парусник.

— Лева, лева! — завопил Нечепуренко.

Но было уже поздно. Фёдка видел, как с неудержимой силой на них из темноты летел высокий нос парохода, не замечая их, направляясь в самую середину судна. Ему стало страшно, что пароход прямо раздавит его, Фёдку. Он выпустил на палубу фонарь, опрометью бросился к вантам¹ и, как обезьяна, полёз на мачту.

— Гей, гей! — в один голос крикнули хозяин и рулевой, но в тот же почти момент оба слетели с ног от удара: пароход с полного хода врезался в судно.

Раздался страшный хрустящий удар. Фёдку потрянуло, и он едва удержался на вантах. В двух аршинах² от себя он ясно увидал серый корпус судна; закрыл глаза, сжался в комок и изо всей силы уцепился за ванты.

---

¹ В а н т ы — верёвочные лестницы, которые ведут к вершине мачты.

² А р ш и н — старая русская мера длины, равная 71 сантиметру.

Что-то грóхнуло, удáрило, мáчту покачну́ло, и, когда Фёдька откры́л глаза́, он уви́дел удаля́ющиеся огни́ парохода, а внизу́ — он ничегó не мог понять — вода́ была́ в двух арши́нах под ним. Он вскара́бкался в́ыше и с úжасом ви́дел, что вода́ поднима́ется за ним. Он стал на са́линг¹ и обхвати́л стéньгу², не спуска́я глаз с воды́. Чёрная, слепая́ зыбь ходи́ла там внизу́, но тепе́рь она́ не шла в́ыше, как бу́дто бы мáчта переста́ла погружа́ться. Но Фёдька не ве́рил и не отводи́л глаз от воды́.

Капита́н Па́ркер молча́л и гляде́л впе́ред, как бу́дто ожида́я ещё́ чегó-то. Ему́ каза́лось, что э́то ещё́ не всё. А «Мэ́ри» всё удаля́лась от ме́ста круше́ния. Комáнда вы́скочила на па́лубу, все трево́жно спра́шивали ба́кового, что случи́лось.

«Всё пра́вильно, да, да, всё пра́вильно...» — ду́мал Па́ркер. Он сам не ожида́л, что так всё э́то бу́дет, и тепе́рь испуганная со́весьт иска́ла оправда́ний.

— Капита́н, там ведь лю́ди оста́лись! — взволно́ванным го́лосом сказа́л Юз.

— Да, да... — отве́тил Па́ркер, не понима́я слов по́мощника.

— Пра́во на борт! — кри́кнул Юз рулево́му. — Обра́тный румб!³

— Есть обра́тный румб! — торопли́во отве́тил рулево́й.

— Да, да, обра́тный румб, — сказа́л Па́ркер, как бу́дто приходи́ в себя́.

Комáнда без приказа́ний гото́вила шлю́пку к спу́ску.

«Мэ́ри» ма́лым хо́дом пошла́ наза́д, к ме́сту круше́ния. Матро́сы толпи́лись на ба́ке и, перебра́сываясь

---

¹ Са́линг — ра́ма из деревя́нных бру́сьев у верши́ны мáчты.

² Стéньга — ве́рхняя часть мáчты.

³ Румб — здесь: напра́вление.

тревожными словами, напряжённо вглядывались в темноту ночи.

— Здесь, должно быть,— сказал Юз.

— Стоп, машина! — командовал Паркер.

«Мэри» медленно шла с разгона. Но никто ничего не видел. Паркер командовал, парход делал круги; наконец всем стало ясно, что места крушения не найти, не увидеть даже плавающих обломков в темноте осенней дождливой ночи.

— Найти, непременно найти,— шептал Паркер,— всех найти, они тут плавают. Они хорошо умеют плавать... Мы всех спасём,— говорил он вслух.— Не так ли, Юз?

Юз молчал.

— Да, да,— отвечал сам себе капитан.

И он крутил, то увеличивая ход, то вдруг останавливая машину. Так длилось около часа.

— На курс,— вполголоса сказал Юз, подойдя к рулевому, и дал полный ход машине.

«Мэри» пошла опять своей дорогой на юг.

— Ведь за три сажени показались огни, Юз, не правда ли? — сказал Паркер.

— Не знаю, капитан...— ответил помощник, не повернув головы.

Паркер ушёл в каюту.

Теперь он думал: «Там остались в море люди... их спасут. Ну, может быть, одного... он расскажет, а если все утонули, парусника не так скоро хватятся».

Он старался себя успокоить, вспоминая рассказы товарищей моряков, какие он слышал. Как-то все выходило с победой, и было даже весело и смешно. Он попробовал весело подумать, но случайно увидел своё лицо в зеркале, и ему стало страшно. Ему показалось, что теперь не он ведёт парход, а Юз везёт его, Паркера, туда, в Константинополь. Ему казалось, что самое главное — вы-

рваться из этого проклятого Чёрного моря. Прошмыгнуть через Босфор, чтобы не узнали. Проклятый серый цвет — все пароходы чёрные. Если б чёрный!.. Ему хотелось сейчас же вскочить и замазать этот предательский серый цвет.

Вдруг Паркер встал, вышел и быстро прошёл в штурманскую рубку, где лежали морские карты. Через пять минут он подошёл к Юзу и сказал:

— Ложитесь на курс норд-вест, восемьдесят семь градусов.

«Мэри» круто повернула вправо.

Когда Паркер ушёл, Юз глянул в карту: они шли к устью Дуная.

Русский пассажирский пароход возвращался из александрійского рейса. Не прекращавшийся всю ночь сильный восточный ветер развёл большую зыбь. Низкие тучи неслись над морем. Насилу рассвело. Продрогший вахтенный штурман кутался в пальто и время от времени посматривал в бинóкль, отыскивая Федонисский маяк¹, и ждал смены.

— Маяка ещё не видать,— сказал он пришёдшему товарищу,— а вот там веха какая-то.

— Никакой тут не должно быть.

— Посмотрите.— И он передал бинóкль.

— Да, да,— сказал тот, посмотрев.— Да, стойте, на ней что-то... Это мачта, право, мачта.

Доложили капитану, и вот пароход, уклонившись от пути, пошёл к этой торчавшей из воды мачте. Скоро вся команда узнала, что идут к какой-то мачте, и все высыпали на палубу.

— Побей меня господь, на ней человек, чтоб я пропал! — кричал какой-то матрос.

---

¹ Маяк на острове Федониси, против устья Дуная.

Но с мостика в бинокль давно уже различили человека и теперь приказали спустить шлюпку. Это трудно было сделать при таком волнении, и шлюпку чуть не разбило о борт парохода. Но всем наперерыв хотелось поскорее подать помощь и узнать, в чём дело. Даже бледные от морской болезни пассажиры вылезли на палубу и ожили. Пароход стоял совсем близко, и всем уже ясно было видно, что на салинге торчавшей из воды мачты сидел мальчик.

Все напряжённо следили за нырявшей в зыби шлюпкой. Подойти к мачте так, чтоб кому-нибудь перелезть на неё, нельзя было, а мальчик вниз не спускался: видно было, как кричали со шлюпки и махали руками.

— Умер, умер! — говорили пассажиры. — Застыл, бедняга.

Но мальчик вдруг зашевелился. Он, видимо, с трудом двигал руками, распутывая верёвку вокруг своего тела. Потом он зашатался и плюхнулся в воду около самой шлюпки, едва не ударившись о борт. Его подхватили.

Фёдка был почти без чувств; с трудом удалось вырвать у него несколько слов: «Ночью... серый... нашу «Марию»... с ходу в бок...» Он скоро впал в беспамятство и бессвязно бредил. Но моряки уже поняли, что случилось, и в тот же день из порта полетели телеграммы: нетрудно было установить, какой серый пароход мог оказаться в этом месте в ту ночь.

Дней через пять после крушения «Марии» чёрный английский пароход пришёл в Константинополь и стал на якорю в проливе. Штурман отправился на шлюпке предъявить свои бумаги портовым властям. Через час к пароходу пришла с берега шлюпка с английским флагом.

— Я британский консул¹,— сказал вахтенному матросу высадившийся джентльмен,— проводите меня к капитану.

Капитан встал, когда в дверях каюты появился гость.

— Я здешний консул. Могу с вами переговорить? Вы капитан Артур Паркер, не так ли?

— Да, сэр...

Капитан покраснел и нахмурился. Он волновался и забыл пригласить гостя сесть.

— Откуда вы идёте? — спросил консул.

— Мои бумаги на берегу.

— Мне их не надо, я верю слову англичанина.

— Из... Галаца, сэр.

— Но вы шли из России? — спросил консул.— У вас был груз для Галаца?

— Ремонт,— сказал Паркер. Он с трудом переводил дух, и консулу жалко было смотреть, как волновался этот человек.— Маленький... ремонт, сэр... в доке².

— И там красились? — спросил консул.

Паркер молчал.

Консул достал из бумажника телеграмму и молча подал её Паркеру. Паркер развернул бумажку. Глаза его бегали по буквам, он не мог ничего прочесть, но видел, что это то, то самое, чего он так боялся. Он уронил руку с телеграммой на стол, смотрел на консула и молчал.

— Может быть, вы отправитесь со мной в консульство, капитан? Вы успокойтесь и объяснитесь,— сказал наконец консул.

Паркер надел фуражку и стал совать в карманы ту-журки вещи со стола, не понимая, что делает.

---

¹ Британский консул — представитель английского правительства.

² Док — портовое сооружение для осмотра и ремонта кораблей.

— Не беспоко́йтесь, за веща́ми мо́жно бу́дет посла́ть с бе́рега,— сказа́л ко́нсул.

На па́лубе их встрети́л Юз. Он уже́ знал, в че́м де́ло.

— Прости́те,— обрати́лся он к ко́нсулу,— о́ни все...

— Спа́сся о́ди́н то́лько ма́льчик, он до́ма и здо́ров,— отве́тил ко́нсул.— Их бы́ло во́семь...

Па́ркер вздро́гнул и, обогна́в ко́нсула, не гля́дя по сторо́нам, бы́стрыми шага́ми напра́вился к шлю́пке. Тепе́рь он хоте́л, что́бы его́ скорее́ аресто́вали.

На друго́й де́нь че́рная «Ма́ри» вы́шла в Ливерпу́ль под кома́ндой шту́рмана Эдуа́рда Юза.

1924

НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кажется, «Пушкин» идёт.

Отвечают портóвые люди:

— Правильно, это Стратóнов.

Пассажиры:

— «Пушкин» ведь?

— Ну да: Никола́й Иса́ич.

Пассажиры переглядываются — вот неучи¹ какие мо-
ряки: не знают, что Пушкин — Александр Серге́евич. Ни-
кола́й Иса́ич Пу́шкин!

А Никола́й Иса́ич стоит на мóстике «Пушкина», гля-
дит в бинокль и рывкает² из борóды:

— Пра́ва... ещё пра́ва... Так, так держа́ть!

И зна́ет Никола́й Иса́ич, что весь «Пушкин», от вер-
хушки ма́чты до днища, — всё это он, Никола́й Иса́ич.
И что, когда поса́дит он «Пушкина» на мель, никто́ не
ска́жет: «Пушкин» напорóлся³, а пра́мо бу́дут говори́ть:

— Никола́й Иса́ич на мель сел. Стратóнову скулу́ по-
мял... пять фу́тов воды́ в трю́ме.

Сам все эти пять фу́тов воды́ ртом бы выпил Никола́й
Иса́ич, лишь бы не было тако́го греха́.

И так вот всякий капита́н.

---

¹ Неуч — невежда, неучёный человек.

² Рывкать — крича́ть.

³ Напорóлся — здесь: сел на мель, на ка́мни.

Потому́ и говоря́т: «Еро́хин сня́лся, Фёдор с мо́ря идёт».

А в «Фёдоре» э́том — де́сять ты́сяч тонн, и на носу́ накра́шено: «Мерку́рий».

Я сам э́то по́нял то́лько тогда́, когда́ пе́рвый раз поса́дил па́русник. Де́ло бы́ло про́сто. Шёл я в све́жую пого́ду у Те́ндры, но́чью. Помо́щник мой ва́хту сто́ял. Вот по вре́мени должна́ уж бы́ть Те́ндра. А э́то, на́до сказа́ть, песча́ная коса́, её и днём-то за двести́ саже́ней мо́жно не уви́деть. Я вы́шел и слы́шу: не та зы́бь, метёт прибо́й, ро́сыпи слы́шно.

Я говоря́ю помо́щнику:

— Сейча́с в Те́ндре вопре́мся¹, ува́ливайтесь под ве́тер².

А он говоря́т:

— Приве́дите к ве́тру³, лот бро́шу.

То есть чтоб я поста́вил су́дно про́тив ве́тра, а он сме́рит, ско́лько глубины́.

А приве́сти к ве́тру — э́то, выхо́дит, с хо́ду ещё са́жен два́дцать пролете́ть к бе́регу.

— Приве́дите! — кричи́т помо́щник.

— На ва́шу го́лову?

— Ла́дно.— И побежа́л он с ло́том на бак.

Я привёл, и ещё хо́ду не потеря́ли, как ткну́ло в грунт и дро́гнуло всё су́дно. По́дняло зы́бью и уда́рило дном. У меня́ душа́ оборвала́сь.

Пото́м на бере́гу спра́шивали:

— Ты под Те́ндрой сиде́л?

— Да, понима́ешь, помо́щник...

Все усмеха́ются, отвори́чиваются. И ве́рно. А помо́щнику что? Сиде́л-то ве́дь не он, а я. И с тех пор я уже́

---

¹ Вопре́мся — здесь: натолкнёмся.

² Ува́ливайтесь под ве́тер — поворачи́вайте кора́бль так, чтобы́ ве́тер дул сбо́ку.

³ Приве́дите к ве́тру — поверни́те кора́бль носом к ве́тру.

накрепко по́нял: не судно ходит, а капитан. Не судно гибнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем. Дело было так.

Ледокól промышлял во льдах в Бѣлом мѣре. Промышлял, то есть у него на борту было душ полтора́ста промышленников, и ледокól лазил меж льдов по свободной водѣ, шѣл туда, где залѣг зверь. Капитан был молодѣй, лет тридцати пяти мужчи́на. Промышленники его любили за то, что с ним пойдѣшь — всегда удача. Зверя было «бáлго»¹, и набили на льдине тюленей — беда́ сколько². Били и отстать не могли, в раж вошли³ люди от крови и от удачи. Такая жара пошла, что капитан сам не выдержал, сбежал на лёд и сáдил багром тюленьи головы.

— Эх, здорово капитан завёл! — красные, в поту и в крови, хвалили капитана промышленники.

А с запада потянул ветерок. Капитан уж на месте и торопит ребят:

— Ну, кончай! Кончай!

Да как бросишь? В десять лет раз, старики говорят, такая удача! Не бросать же, коли само счастье в руки лѣзет. Отвернись от него, так и оно отворотится. А вест свежает⁴. Свежает вест, давит на лёд, и вот двинулась льдина, и дрейфует (дрейфовать — идти без машины, силой ветра) ледокól у кромки со льдом вместе. Помалу дрейфует к востоку.

Темнѣть стало. Ай и капитан, ну и капитан — прямо счастьем в карман впѣрся! Ещё полчасика!

— Все на борт, снимаюсь!

Двинул капитан вдоль кромки: узкой полосой шла, как река в ледяных берегах, свободная вода.

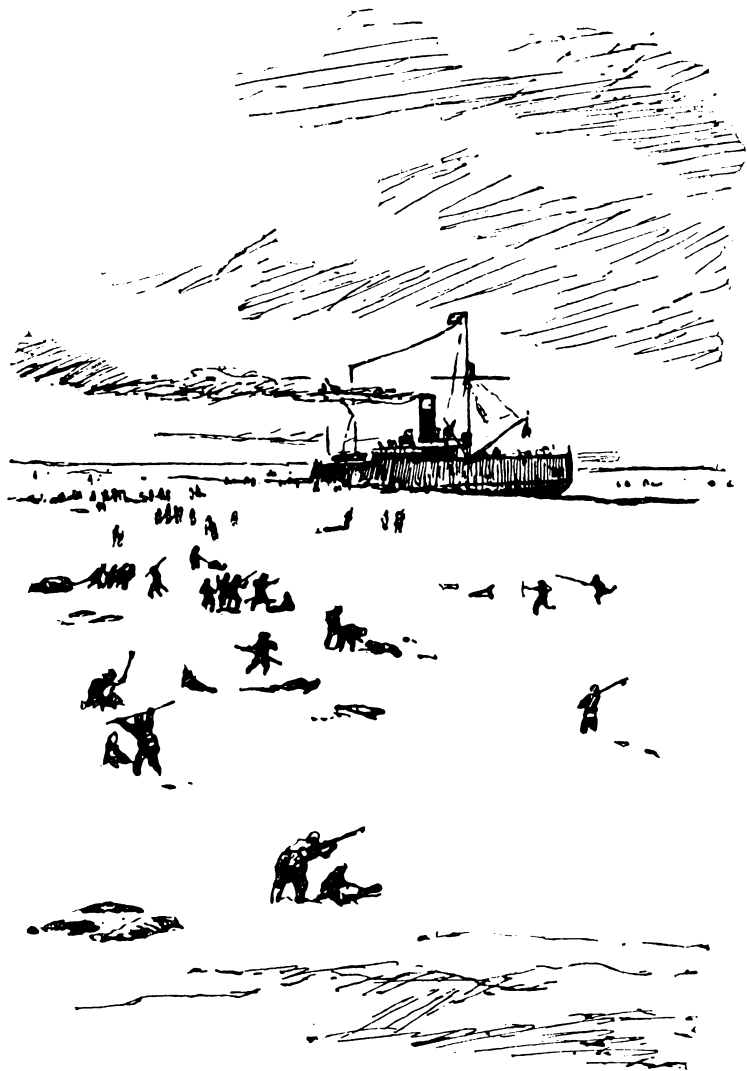
---

¹ «Бáлго» — много, полно (поморское выражение).

² Беда́ сколько — очень много.

³ В раж вошли — пришли в сильное возбуждение.

⁴ Вест свежает — западный ветер усиливается.

Ледокóл промышлял во льдах в Бёлом мóре.

— Умáялись, ребята, вари́ чего́ там на ўжин!

А капитáн дал пóлный ход: нáдо уйтí из éтой щéли, ещё неизвéстно, как там лёд впередí. Чáсом бы рáньше...

— А ну, сбéгай в машину, скажи́ там, чтоб шевели́ли, ско́лько дúху...

И стал капитáн серьёзным. Ходíл по мóстику и слы́шал, как внизú гомоня́т ¹ ребята, како́го-то Мíтьку дра́знят: вгоряча́х себе́ в вáленок багрóм засади́л. До Мíтьки тут! Хóду, хóду ещё! Вон лёд пря́мо по́ носу. Нет, éто не поворóт в кана́ле, а затóр. А мóжет, сла́бый лёд? И капитáн замéтил, как помóщник косымъ взглядомъ глянул на него́. Капитáн подошёл к телеграфу́ и два рáза поверну́л рúчку на весь разма́х и поста́вил на «пóлный» — значíт, дай са́мый пóлный. Слы́шно бы́ло на мóстике, как прозвонíл крутымъ раскáтом телеграфъ в машинé. Парохóд летéл пря́мо в затóр, сейча́с, сейча́с вонзítся. Парохóд уда́рил лёд пóлогимъ форштéвнем (выступа́ющее ребро́ на носу́), вы́скочил, задрáлся нос, и срáзу смóлки голоса́ под мóстикомъ. Ледокóл влез нóсом на лёд и стал, тúжился ² машинóй. И капитáн и помóщник, са́ми тогó не замечáя, напирáли на планши́р ³ мóстика, тúжились вмéсте с ледокóлом. Нет! Стоп!

— Назáд!

Машíна ста́ла, и сно́ва заурча́ло в брúхе парохóда. Ледокóл слез, скатíлся форштéвнем, соскочíл со льда и присéл на мину́ту нос. Лёд не подда́лся. Два рáза ещё уда́рил в лёд капитáн и запыхáлся, помогáя парохóду. Он знал, что назáд вы́хода нет и разверну́ться в ўзкомъ кана́ле нельзjá. А внизú опя́ть гудя́т, как на я́рмарке:

— Мíтька-то в вáленок!.. Ах, чтоб тебе́!

И кто́-то кричít:

---

¹ Г о м о н и т ь — грóмко разговáривать, шумéть.

² Т у ж и т ь с я — напрягáться, дéлать усíлия.

³ П л а н ш и р — вéрхняя часть бóрта.

— Значит, дрейфуем! Вались спать, ребята!..

Капитан сам знал, что придётся дрейфовать к осту¹ вместе со льдом в этом узком канале, в ледяной коробке. И знал капитан, знал по счислению², что там, справа к осту,— «кошки Литке». Пошёл в штурманскую, глянул на карту, глянул во всю силу. Да, вот ровно на ост — «кошки Литке». И сейчас отлив, малая вода.

А вест свежал и свежал. Стало темно; промышленники уж глухо гудели под палубой, и только две папироски остро горели у правого борта.

Если бы можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек не увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушей. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и, если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов.

И такие горы стоят на дне Белого моря. Их нащупал Литке, нанёс на карту, и с тех пор называются они «кошки Литке».

В полную, приливную воду может над ними пройти пароход, но в отлив напорется и раскроит себе брюхо.

Эти самые «кошки» и были по правому борту ледокола, и был отлив, то есть была «краткая вода»; когда кончится отлив, должен начаться прилив.

Капитан знал это. Знал, что в узком канале он будет дрейфовать до самых «кошек»; что если он брюхом упрётся в «кошки», то через минуту лёд слева подойдёт к борту вплотную, напрёт, напрёт неодолимо, как если бы берег, сам материк надвинулся на него,— напрёт в борт

¹ Ост — восток.

² По счислению — по расчётам.

и положит ледокól мáчтами нá воду, и тогда — амíнь. Звать по рáдио на пóмощь? Кто же пробьётся к нему́, когда он, ледокól, не мóжет вы́биться? Тóлько раззвонíть по свéту... чтоб лúди смеялись и врагí рáдовались. И он знал, что вот скóро-скóро царáпнет дном.

Приказáл держáть пóлный пар и ушёл в каю́ту. Посидёл на кóйке, всё смотрёл на свой большíе рúки.

«Положит náбок парохóд... положит...»

Где «кóшки»? И спиной чúвствовал, что там, сэди негó под водóй, подо льдом, стоят э́ти «кóшки» и ждут. Ско́лько до них? Нельзjá знать, тут дéло не в сажéнях. Поглядёл в альманáх (астрономíческий спрáвочник). И без карандашá в умé считáлось самó до секúнды — сейчáс идёт прилив, тóлько начался. И капитáн натúживался, помогáл поднимáться водé, кáждый дюйм¹ воды́ бúдто сам, своéй натúгой подымáл. На парохóде бýло тíхо, и тóлько слы́шно бýло под нízом, как гудíт динáмо, качáет свет. Све́жий вест дрáил² по мóстику. А úхо бýло всё внизú, там, у дна, где должны́ царáпнуть кáмни. Капитáн перестáл глядéть на часы́ и считáть дúймы, а слúшал.

Вот! Чíркнуло. На парохóде спокойнó, никтó не слы́шал. Капитáн вы́тянул ящик и вы́нул кольт³.

Кáмни тепёрь пойдúт вы́ше и вы́ше... Но бежít водá на пóмощь оттúда, из океáна, чéрез гóрло Бéлого мóря. Поспéет ли?

Ух, заскреблó как, заскрежетáл ктó-то зубáми. И пошатнúло ледокól. И вон голосá на пáлубе. Помóщник прошагáл мíмо двéри, но не стúкнул в дверь... Опя́ть! Покренíлся чуть... Пронеслó... Кричít ктó-то на пáлубе:

— На лёд, да и пойдём, ещё как пойдём-то, кудá с добрóm! Телегрáмму даст... Всех снíмут. Да к маякú

¹ Д ю й м — старíнная мéра длíны, рáвная 2,5 сантимéтра.

² Д р á и л — здесь: сýльно дул.

³ К о л ь т — револьвёр.

зашагаём, что по землё. Погоди скакать, трап спустим.

Гудят, топают. Теперь даже весело кричат. Все на палубе... Механик около дверей говорит:

— Так вы спросите: тушить, что ли, котлы? А то я на лёд — и марш.

И голос помощника:

— Спрашивайте сами... А я спрашивать не стану. Она сколько уж нарóду на льду-то!

И оба отошли через мину́ту.

Опять! Опять! И в ответ загудело на палубе, но капитан слышал только, как силится, скребётся ледокол дном по камням. Капитан взял в руку кольт. Нет, поддувает, поддувает вода... а в упор к борту стоит лёд.

Нету! Нету! Уже пять минут, может быть, нету... Капитан взглянул на часы. Если ещё пять минут не будет...

И не было. Капитан глянул на себя в зеркало. Он был красен весь, лицом и шеей, в один ровный багровый цвет. Не узнавал красного человека и от глаз не мог оторваться: сам на себя смотрел.

Потом, не брякнув, сунул кольт в ящик и аккуратно притворил. Вышел на мостик. Выходила красная луна.

— Определиться? — спросил помощник.

— Всех я вас уже определил, кто чего стоит, — сказал капитан и сам взял секстант (астрономический прибор) из штурманской.

А утром стал бриться и увидал, что виски седые,

МЕХАНИК САЛЕРНО

I

Итальянский пароход шёл в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шёл с вахты спать. Он шёл по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шёл он босиком. И вот голую подошву жжёт. Будто идёшь по горячей плитё. «Что такое? — подумал кочегар. — Дай проверю рукой. — Он нагнулся, пощупал. — Так и есть — очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошёл сказать механику. Механик спал в каюте. Раскинулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснул».

Кочегар забоялся и пошёл к себе. По дороге ещё раз тронул палубу. И опять показалось — вроде горячая.

II

Кочегар лёг на койку и всё не мог уснуть. Всё думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как

в духóвке. И всё жáрче, жáрче казáлось. Глянул кругóм— все товáрищи спят, а двóе в кáрты игра́ют. Никто́ ничего́ не чу́ет. Он спроси́л игроко́в:

— Ничего́, ребя́та, не чу́ете?

— А что? — говоря́т.

— А врёде жáрко.

Они́ засмеялись.

— Что ты, пе́рвый раз? В э́тих местáх всегда́ так. А ещё ста́рый моря́к!

Кочегáр крякнул и поверну́лся на́ бок. И вдруг в го́лову удáрило: «А что как бедá идёт? И на́утро уже́ по́здно бу́дет? Все пропаде́м. Океа́н кругóм на ты́сячи ве́рст. Потóнем, как мы́ши в ведре́».

Кочегáр вскочи́л, натяну́л штанги́ и вы́скочил навéрх. Побежа́л по па́лубе. Она́ ему́ ещё горяче́й псказáлась. С разбе́гу сту́кнул меха́нику в двéри. Меха́ник то́лько мыча́л да пыхте́л. Кочегáр вошёл и потолка́л в плечо́. Меха́ник нахму́рился, глянул сердито́, а как уви́дел лицó кочегáра, крякнул:

— Что случи́лось? — и вскочи́л на́ ноги.— Опя́ть там подрали́сь?

А кочегáр схвати́л его́ за́ руку и потяну́л вон. Кочегáр шéпчет:

— Попрóбуйте па́лубу, синьóр Салéрно.

Меха́ник голово́й спросо́нья кру́тит— всё споко́йно кругóм. Парохо́д идёт ро́вным хо́дом. Машина́ мурлы́чет ми́рно внизу́.

— Рукóй па́лубу трóньте,— шéпчет кочегáр; схвати́л меха́ника за́ руку и прижа́л к па́лубе.

Вдруг меха́ник отдёрнул ру́ку.

— Ух, чёрт, ве́рно! — сказа́л меха́ник шéпотом.— Стой здесь, я сейча́с.

Меха́ник ещё два ра́за пощупáл па́лубу и бы́стро ушёл навéрх.

Вёрхняя пáлуба шла навéсом над нíжней. Там была каю́та капита́на.

Капита́н не спал. Он прогу́ливался по вёрхней пáлубе. Погла́дывал за дежу́рным и помо́щником, за руле-вы́м, за огня́ми.

Меха́ник запыхáлся от ско́рого бе́га.

— Капита́н, капита́н! — говори́т меха́ник.

— Что случи́лось? — И капита́н придвинулся вплот-ную, глянул в лицó меха́нику и сказа́л: — Ну, ну, пойдём-те в каю́ту.

Капита́н плóтно за́пер дверь. Закры́л окно́ и сказа́л меха́нику:

— Говори́те тíхо, Сале́рно. Что случи́лось?

Меха́ник перевёл дух и стал шепта́ть:

— Пáлуба о́чень горя́чая. Горя́чее всего́ над трю́мом, над сре́дним. Там кы́пы с пря́жей и э́ти бо́чки.

— Тсс! — сказа́л капита́н и по́днял па́лец. — Что в бо́чках, зна́ем вы да я. Там, вы говори́ли, хлóристая соль? Не горя́чая? (Сале́рно кивну́л голово́й.) Вы са́ми, Сале́рно, замети́ли и́ли вам сказа́ли? — спроси́л капита́н.

— Мне сказа́л кочегáр. Я сам прóбовал руко́й. — Меха́ник трóнул руко́й пол. — Вот так. Здо́рово...

Капита́н переби́л:

— Комáнда зна́ет?

Меха́ник пожа́л плеча́ми.

— Нельзя́, что́бы зна́ли пассажи́ры. Их двéсти пять челове́к. Начне́тся па́ника. Тогда́ мы все поги́бнем ра́ньше, чем парохо́д. На́до сейча́с прове́рить.

Капита́н вы́шел. Он покоси́лся на пассажи́рский зал. Там я́рко горéло электр́чество. Наря́дные лю́ди гуля́ли ми́мо о́кон по пáлубе. О́ни мелька́ли на свету́, как ба́бочки у фонаря́. Слы́шен был весёлый го́вор. Кака́я-то да́ма гро́мко хохота́ла.

— Идти спокойно,— сказал капитан механику.— На палубе — ни звука о трюме. Где кочегар?

Кочегар стоял, где приказал механик.

— Давайте градусник и верёвку, Салерно,— сказал капитан и закурил.

Он спокойно осматривался кругом. Какой-то пассажир стоял у борта.

Капитан зашагал к трюму. Он уронил папироску. Стал поднимать и тут пошупал палубу. Палуба была нагрета. Смолá в пазах липла к руке. Капитан весело обругал окурок, кинул за борт.

Механик Салерно подошёл с градусником на верёвке.

— Пусть кочегар смёрит,— приказал капитан шёпотом.

Пассажир перестал глядеть за борт. Он подошёл и спросил больным голосом:

— Ах, что это делают! Зачем, простите, эта верёвка? Верёвка, кажется? — И он стал щупать верёвку в руках кочегара.

— Ну да, верёвка,— сказал капитан и засмеялся.— Вы думали, змея? Это, видите ли...— Капитан взял пассажира за пуговку.— Иди,— сказал капитан кочегару.— Это, видите ли,— сказал капитан,— мы всегда в пути мерим. С палубы идёт труба до самого дна.

— До дна океана? Как интересно! — сказал пассажир.

«Он дурак,— подумал капитан.— Это самые опасные люди».

А вслух рассмеялся:

— Да нет! Труба до дна парохода. По ней мы узнаём, много воды в трюме или нет.

Капитан говорил сущую правду. Такие трубы были у каждого трюма.

Но пассажир не унимался.

— Значит, пароход течёт, он дал течь? — вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче:

— Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Её нарочно запасают.

— Ай, значит, мало осталось! — И пассажир заломил руки.

— Целый океан! — И капитан показал за борт.

Он повернулся и пошёл прочь. Впотьмах он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полосу брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал ¹ у трюма.

V

— Ну, сколько? — спросил капитан.

Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

— Да говорите, чёрт вас дерёт! — крикнул капитан.

— Шестьдесят три, — еле выговорил Салерно.

И вдруг сзади голос:

— Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый, Тот самый, в роговых очках.

— Мадонна путана! ² — выругался капитан и сейчас же сделал веселое лицо. — Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверху веселее. Вы поссорились там?

— Я нелюdim, я всегда здесь один, — сказал длинный пассажир.

Капитан взял его под руку. Они пошли, а пассажир всё спрашивал:

---

¹ Чиркать — зажигать спички.

² Мадонна путана — итальянское ругательство.

— Неужели шестьдесят? Боже мой! Шестьдесят? Это ведь правда?

— Чего шестьдесят? Вы ещё не знаете чего, а расстраиваетесь. Шестьдесят три сантиметра. Этого вполне хватит на всех.

— Нет, нет! — мотал головой пассажир. — Вы не обманете! Я чувствую.

— Выпейте коньяку и ложитесь спать, — сказал капитан и пошёл навёрх. — Такие всегда губят, — бормотал он на ходу. — Начнёт болтать, поднимет тревогу. Пойдёт паника.

Много случаев знал капитан. Страх — это огонь в солёме. Он охватит всех. Все в один миг потеряют ум. Тогда люди режут по-звериному. Толпой мечутся по палубе. Бросаются сотнями к шлюпкам. Топорами рубят руки. С воём кидаются в воду. Мужчины с ножами бросаются на женщин. Пробивают себе дорогу. Матросы не слушают капитана. Давят, рвут пассажиров. Окровавленная толпа бьётся, ревет. Это бунт в сумасшедшем доме.

«Этот длинный — спичка в солёме», — подумал капитан и пошёл к себе в каюту. Салёрно ждал его там.

VI

— Вы тоже! — сказал сквозь зубы капитан. — Выпучили глаза — утопленник! А этого болвана не увидели? Он суётся, носится за мной. Нос свой тычет, тычет. — Капитан тыкал пальцем в воздух. — Он всюду, всюду! А нет его тут? — И капитан открыл двери каюты.

Белые брюки шагнули в темноте. Стали у борта. Капитан запер дверь. Он показал пальцем на спину и сказал зло:

— Тут, тут вот он. Говорите шепотом, Салёрно. Я буду напевать.

— Шестьдесят три градуса,— шептал Салёрно.— Вы понимаете? Значит...

— Градусник какой? — шепнул капитан и снова замурлыкал песню.

— С пеньковой кистью¹. Он не мог нагреться в трубё. Кисть была мокрая. Я быстро подымал и тотчас глянул. Пустить, что ли, воду в трюм?

Капитан вскинул руку:

— Ни за что! Соберётся пар, взорвёт люки.

Кто-то тронул ручку двери.

— Кто там? — крикнул капитан.

— Можно? Минуту! Один вопрос! — Из-за двери всхлипывал длинный пассажир.

Капитан узнал голос.

— Завтра, дружок, завтра, я сплю! — крикнул капитан.

Он плотно держал дверь за ручку. Потушил свет.

Прошла минута. Капитан шёпотом приказал Салёрно:

— Первое: дайте кораблю самый полный ход. Не жалейте ни котлов, ни машины. Пусть её хватит на три дня. Надо делать плоты. Вы будете распоряжаться работой. Идёмте к матросам.

Они вышли. Капитан осмотрелся. Пассажира не было. Они спустились вниз. На нижней палубе спокойно ходил пассажир в белых брюках.

— Салёрно,— сказал капитан на ухо механику,— занимайте этого идиота чем угодно! Что хотите! Играйте с ним в чехарду! Анекдоты! Врите. Но чтобы он не шёл за мной. Не спускайте с глаз!²

Капитан зашагал на бак. Спустился в кубрик к матросам. Двое быстро смахнули карты на палубу.

---

¹ Пеньковая кисть — кисть из волокнистого стебля конопля.

² Не спускайте с глаз — не теряйте из вида, следите за ним всё время.

— Буді всех! Всех сюда! — приказал капитан. — Только тихо.

Вскоре в кúбрик собралось восемнадцать кочегаров и матросов. С тревогой глядели на капитана. Молчали, не шептались.

— Все? — спросил капитан.

— Остальные на вахте, — сказал бóцман.

VII

— Военное положение! — крепким гóлосом сказал капитан.

Люди глядели и не двигались.

— Дисциплина — вот. — И капитан стúкнул револьвером по столу. Обвёл всех глазами. — На пароходе пожар.

Капитан видел: бледнеют лица.

— Горят в трюме номер два. Тушить поздно. До опасности осталось три дня. За три дня сделать плоты. Шлюпок мало. Работу покажет механик Салёрно. Его слушаться. Пассажирам говорить так: капитан наказал за игру и драки. Сболтнй кто о пожаре — пуля на месте. Между собой — об этом ни слова. Поняли?

Люди только кивали головами.

— Кочегары! — продолжал капитан. — Спасенье в скорости. Не жалеть сил!

Капитан поднялся на палубу. Глухо загудели внизу матросы. А впередí капитан увидал: Салёрно стоял перед пассажиром. Старик механик выпятил живót и покачивался.

— Уверяю вас, дорогой мой, слушайте, — пыхтел механик, — уверяю, это в Алжире... ей-бóгу... и арапки... танец животá... Вот так!

Пассажир мотал носом и вскрикивал:

— Не верю, ведь ещё семь суток плыть!

— Клянусь мощами Николая-чудотворца! — Механик задыхался и вертел животом.

— Поймал, поймал! — весело крикнул капитан.
Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

— Все там играли в карты. И все передрались. Это от безделья. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездельники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пьют. Куют. Идите, Салерно. По горячему следу¹. Застегните китель!

VIII

— Идёмте, синьор. Вы мне нравитесь...— Капитан обхватил пассажира за талию.

— Нет, я не верю,— говорил пассажир упрямо, со слезами.— У нас есть пассажир. Он — бывший моряк. Я его спрошу. Что-то случилось. Вы меня обманываете.
Пассажир рвался вперёд.

— Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

— Я скажу. Вы правы — случилось,— сказал тихо капитан.— Станемте здесь. Тут шумит машина. Нас не услышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

— Я вам объясню подробно,— начал капитан.— Видите вы вон там,— капитан перегнулся за борт,— вон вода бьёт струей? Это из машины за борт.

— Да, да,— сказал пассажир,— теперь вижу.

Он тоже глядел вниз, Придерживал очки.

— Ничего не замечаете? — сказал капитан.

Пассажир смотрел всё внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком

---

¹ По горячему следу — сейчас же, сразу.

*Капітан мiгом схватив пасажiра за ноги. Рывком
запрокинув вверх и толкнув за борт.*

запрокінул вверх и толкнул за борт. Пассажи́р переверну́лся че́рез го́лову. Исчез за бо́ртом. Капита́н поверну́лся и пошёл прочь. Он доста́л сига́ру, отгрыз ко́нчик. Отплю́нул на саже́нь. Ломáл спи́чки, пока́ заку́ривал.

IX

Капита́н пошёл на́вeрх и дал распоряже́ние: поверну́ть на се́вер. Он сказа́л ста́ршему шу́рману:

— На́до спeшить на се́вер. Туда́, на большу́ю доро́гу. Тем пу́тём ходит мно́го корабле́й. Там мо́жно скорeе встрeтить по́мощь.

Маши́на бу́дто встре́пену́лась. Она́ торопли́во верте́ла винт. Парохо́д заме́тно вздра́гивал. Он ме́лко тря́сся ко́русом — так си́льно верте́ла маши́на.

Че́рез час Сале́рно доложи́л капита́ну:

— Плоты́ гото́вят. Я велeл ломáть дере́вянные перебо́рки. Сейча́с маши́на даeт во́семьдесят два оборо́та. Предохраните́льные кла́паны на котла́х заклёпаны. Если котлы́ вы́держат...— И Сале́рно развёл рука́ми.

— Тогда́ поста́райтесь да́ть во́семьдесят пять оборо́тов. То́лько осторо́жно, осторо́жно, Сале́рно. Маши́на сдаст, и мы пропа́ли. Лю́ди споко́йны?

— Они́ молча́т и рабо́тают. Пока́ что... Их нельзя́ оставя́ть. Там второ́й меха́ник. Трeтий — в маши́не. Фу!

Сале́рно отдува́лся. Он снял ша́пку. Сел на ла́вку. Замота́л голо́вой. И вдруг вскочи́л:

— Я сме́рю, ско́лько гра́дусов.

— Не смeть! — оборва́л капита́н.

— Ах да,— зашепта́л Сале́рно,— э́тот идио́т! Где он? — И Сале́рно огляде́лся.

Капита́н не сразу́ отве́тил.

— Спит.— Капита́н ко́ротно сви́стнул в сви́сток и прика́зал ва́хтенному: — Трeтьего шу́рмана ко мне!..

— Слу́шайте, Гропа́ни, вам два́дцать пять лет...

— Двадцать три,— поправил штурман.

— Отлично,— сказа́л капита́н.— Вы мо́жете пры́гать на одной но́жке? Ходи́ть колесо́м? Ско́лько есть си́лы, забавля́йте пасса́жиров! Игра́йте во все дура́цкие и́гры! Чтóбы сю́да был слы́шен ваш смех! Уха́живайте за да́мами. Выва́ливайте все ва́ши глупости. Кричи́те петухо́м. Ла́йте соба́кой. Мне наплева́ть. Трети́й меха́ник вам в по́мощь, на весь день. Я вас научу́, что врать.

— А ва́хта? — И Гропа́ни хихикнул.

— Это и есть ва́ша ва́хта. Всю ва́шу ду́рость сы́пьте. Как из мешка́. А тепе́рь спать!

— Есть! — сказа́л Гропа́ни и поше́л к пасса́жирам.

— Куда́? — крикнул капита́н.— Спать!

Х

Капита́н не спал всю ночь. Под у́тро приказа́л спустить гра́дусник. Гра́дусник показáл 67. «Восемьдесят пять оборо́тов»,— доложи́ли из маши́ны. Парохо́д трясся как в лихора́дке. Во́лны круты́м бугро́м расходили́сь от но́са.

Со́лнце возошло́ спра́ва. Ра́нний пасса́жир вы́шел на па́лубу. Посмотрéл из-под руки́ на со́лнце. Вы́шел то́лстенский абба́т¹ в жёлтой ря́се. О́ни говори́ли. Показыва́ли на со́лнце. Оба пошли́ к мо́стику.

— Капита́н, капита́н! Ведь со́лнце возошло́ спра́ва, оно́ всходи́ло сза́ди, за кормо́й. Вы измени́ли курс. Пра́вда? — говори́ли в два го́лоса и пасса́жир и священник.

Гропа́ни бы́стро взбежа́л наве́рх.

— О, коне́чно, коне́чно! — говори́л Гропа́ни.— Впе́редь Сарга́ссово мо́ре. Не зна́ете? Это морско́й огоро́д. Там во́доросли, как зме́и. О́ни опу́тают винт. Это пра́мо

---

¹ А б б а т — католи́ческий священник.

похлёбка с капу́стой. Вы не зна́ли? Мы всегда́ обхо́дим. Там завязло не́сколько парохо́дов. Уж мно́го лет.

Пожила́я да́ма в у́треннем пла́тье вы́шла на голосо́а.

— Да, да,— говори́л Гропа́ни,— там да́мы хозяйничают, как у себя́ до́ма.

— А е́сть-то что? — спроси́ла да́ма.

— Ры́бу! О́ни ры́бу ло́вят! — спеши́л Гропа́ни.— И ча́ек. О́ни ча́ек налови́ли. О́ни у них несу́тся. Цыпля́т выво́дят. Как ку́ры. И петухи́ крича́т: «Ку-ка-ре-ку́!»

— Вздор! Вздор! — смея́лась да́ма.

А Гропа́ни бил себя́ в грудь и крича́л:

— Клянусь вам все́ми спиртны́ми напитки́ми!

Пассажи́ры выходи́ли на па́лубу. Вертля́вый испáнец суе́тился перед пу́бликой.

— Господа́, пока́ не жа́рко, па́ртию в гольд! — крича́л он по-фра́нцу́зски и верте́л че́рными глаза́ми.

— Бۇ́дьте мужчи́ной,— говори́л испáнец и тряс за ру́ку Гропа́ни,— пригласа́йте дам!

— О́дну па́ртию до ко́фе! Умоля́йте! — Испáнец е́тал на колéни и смешно́ шевели́л о́стрыми уса́ми.

— Вот так и бу́дете игра́ть,— крикну́л Гропа́ни,— на колéнях!

— Да! Да! На колéнях! — закрича́ли да́мы.

Все хохота́ли. Испáнец де́лал ро́жи, смеши́л всех и крича́л:

— Пригласа́йте дам!

Гропа́ни поклони́лся абба́ту и сде́лал ру́ку крeнде́лем:

— Прошу́.

Абба́т замаха́л руко́й.

— Ах, прости́те, я близору́к.

Все́м ста́ло ве́село. Кто́-то притащи́л клю́шки и больш́ие ша́шки. Нача́лась игра́; на па́лубе начерти́ли крeстники́. Ключка́ми толка́ли ша́шки.

— Сего́дня о́собенно трясе́т,— вдруг сказа́л испáнец.— Я чу́вствую ко́ленками. Не пра́вда ли?

Все мину́ту слу́шали.

— Да вы посмотре́йте, как мы иде́м! — крикнул Гропа́ни.

Пу́блика хлы́нула к бо́рту.

— Это се́крет, се́крет,— говори́л Гропа́ни; он по́днял па́лец и прищу́рил глаз.

— Мате́о! — крикнул Гропа́ни вниз.— Скорей, скорей, бего́м!

Тре́тий мехáник бы́стро появи́лся снizu. Он был ма́ленький, че́рный. Совсе́м обезья́нка. Он бежа́л легко́, семенíл но́жками.

— Гой! — крикнул Гропа́ни, и мехáник с разбе́гу пры́гнул че́рез испáнца.

Все захло́пали в ладо́ши.

— Слу́шай, се́крет мо́жно сказа́ть? — спроси́л Гропа́ни.— Нам не влети́т?

— Беру́ на себя́,— сказа́л ма́ленький мехáник и улы́бну́лся бе́лыми зубáми на те́мном лице́.

Все обступíли моряко́в. Испáнец вскочи́л с ко́лен.

— Наш капита́н,— нача́л ти́хим го́лосом мехáник,— че́рез два дня имени́нник. Он всегда́ останáвливает парохо́д. Все выхо́дят на па́лубу и должны́ поздравля́ть старика́. Часа́ три стои́м все, поздравля́ем, все равно́, да́же в шторм. Вот он и вели́т гнать. А то опозда́ет в порт. Чуда́йна-старичи́на! И ката́нье како́е-то затева́ет, морско́й пикни́к,— совсе́м ти́хо прибáвил мехáник.— То́лько, чур, молчо́к! — И он волосáтой руко́й при́крыл рот.

— Ох, интере́сно! — говори́ли да́мы.

Буфе́тчик звони́л к ко́фе.

Мехáник и Гропа́ни отошли́ к бо́рту.

— У нас в кочегарке,— быстрым шёпотом сказал механик,— переборка нагрелась — рука не терпит. Как утюг. Понимаешь?

— А трюм нельзя открыть,— сказал Гропани.— Войдёт воздух, и сразу всё вспыхнет.

— Как думаешь, продержимся два дня? Как думаешь? — Механик глянул в самые глаза Гропани.

— Пожар, можем задохнуться в своём дыму,— сказал Гропани,— а впрочем, чёрт его знает.

Они пошли на мостик. Капитан их встретил.

— Идите сюда,— сказал капитан.

Он потащил механика за руку. В каюте он показал ему маленькую рулетку¹, новенькую, блестящую.

— Вот шарик.— Капитан поднёс шарик к носу механика.— Пусть крутят, бросают шарик, пусть играют на деньги. Говорите — это по секрету от капитана. Тогда они будут сидеть внизу. Мужчины хотя бы... Дамы ничего не заметят. Возьмите, не потеряйте шарик! — И капитан ткнул рулетку механику.

Третий механик вышел на палубу. Официанты играли на скрипках. Две пары уже танцевали.

ХИ

Команда работала и разбирала эмигрантские нары. Под палубой было жарко и душно. Люди разделись, мокрые от пота.

— Ни минуты, ни секунды не терять! — говорил старик Салерно; он помогал срывать толстые брусья.— Потом покүрите, потом! — пыхтел старик.

— Ну, чего стал? — крикнул Салерно молодому матросу.

---

¹ Рулетка — устройство для азартной игры — вращающийся круг с нумерованными лунками, по которому катится шарик, пока не попадёт в какую-нибудь лунку.

— Вот оттого и стал! — во всю глотку крикнул молодой матрос.

Все на миг бросили работу. Все глядели на Салерно и матроса. Стало тихо. И стало слышно веселую музыку.

— Ты это что же? — сказал Салерно; он с ключом в руке пошел на матроса.

— Там танцуют, а мы тут кишки рвем! — Матрос подался вперед с топором в руке. — Давай их сюда! — кричал матрос.

— Верно, правильно говорят! — загудели матросы.

— Кому плоть? Нам шлюпок хватит.

— А плоть пусть сами себе делают.

Все присунулись¹ к Салерно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричали:

— К черту! Довольно! Basta! Остановить пароход! К шлюпкам!

Один уже бросился к трапу.

— Стойте! — крикнул Салерно и поднял руку.

На миг затихли. Остановились.

— Братья матросы! — сказал с одышкой старик. — Ведь там пассажиры. Мы взяли их свезти... А мы их... выйдем... выйдем... погубим... Они ведь ехать сели, а не тонуть...

— А мы тоже не гореть нанялись! — крикнул молодой матрос в лицо механику.

И молодой матрос, растолкав всех, бросился к трапу.

ХIII

Капитан слышал крик. Он спустился на нижнюю палубу. Шел к мостику и прислушивался.

«Бунт, — подумал капитан. — Они бьют Салерно. Пропало все. Уйму, а нет — взорву к черту пароход, пропадай все пропадом!»

¹ Присунуться — придвинуться.

И капитан бѣстро зашагáл к люку.

Вдруг навстрѣчу матрос с топором. Он с разбѣгу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан столкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стали и смотрели на капитана.

— Назáд! — рывкнул капитан.

Люди попятнулись. Капитан спустился вниз.

— Чего смотреть?! — крикнул кто-то.

Народ встрепенулся.

— Молчáть! — сказал капитан.— Слушай, что я скажý.

Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жáрко дышали. Ждáли.

— Не бýдет плотов — погíбли пассажиры. Я за них держу отвѣт перед миром и совестью. Онí нам доверились. Двѣсти пять живых душ. Нас сорок восемь человек...

— А мы их свяжем, как овец! — крикнул матрос с топором.— Клянусь вам!

— Этого не бýдет! — крѣпко сказал капитан.— Ни один мерзáвец не тронет их пáльцем. Я взорвú парохóд!

Люди загудели.

— Убейте меня сейчас! — Капитан сунулся грудью вперед.— И суньтесь только на пáлубу — парохóд взлетит на вóздух! Всѣ готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двѣсти душ — и жѣнщин и малых детей. Даю слово: погíбнете вмѣсте. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил вниз злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

— Плоты почти готовы. Их осталось собрать и сделать мачты. На шесть часов работы. У нас ведь есть сутки. Двадцать четыре часа. Пассажиры в воде — это дети. Они узнают о несчастье — они погубят себя. Нам вручили их жизнь. Товарищи моряки! — громко крикнул капитан. — Лучше погибнуть честным человеком, чем жить прохвостом! Скажите только: «Мы их погубим», — капитан обвёл всех глазами, — и я сейчас пушу себе пулю в лоб. Тут, на трапе. — И капитан сунул руку в карман.

Все загудели глухо, будто застонали.

— Ну так вот, вы — честные люди, — сказал капитан. — Я знал это. Вы устали. Выпейте по бутылке красного вина. Я прикажу выдать. Кончайте скорее — и спать. А наши дети, — капитан кивнул навёрх, — пусть играют, вы их спасёте, и будет навеки вам слава, морякам Италии. — И капитан улыбнулся. Улыбнулся весело, и вмиг помолодело лицо.

— Bravo! — крикнул молодой матрос.

Он глядел на капитана. Капитан быстрыми шагами избегал по трапу.

— Гропани! — крикнул капитан на палубе. Штурман бежал навстречу. — Идите вниз, — говорил капитан, — работайте с ними во всю мочь! И по бутылке вина всем. Сейчас. Там танцуют? Ладно. Я пришлю за вами, в случае станут скучать. Ну, живо!

— Есть! — крикнул Гропани и бегом бросился к люку.

XIV

Капитан прошёл в свою каюту. Он сел на койку, сжал кулаки со всей силой и подпёр бокá. «Держаться, держаться, — говорил капитан, — что есть сил держаться! Сутки одни, одни только бы сутки!» И несколько не легче становилось капитану. Он знал: не за сутки, а за один час, за минуту всё может погибнуть. Крикнет этот матрос

с топоро́м: «Пожáр!» — и гото́во. «Да́ли им вина́?» — по-
ду́мал капита́н и вскочи́л на́ ноги. Но тут влетéл в каю́ту
Сале́рно. Ста́рик осу́нулся в э́ти два дня. Он схвати́л ка-
пита́на за плéчи, стал трясти́. Тряс и всё гляде́л в глаза́,
и лицо́ у старика́ кривило́сь и вдруг совсе́м сморщи́лось,
и он запла́кал, заревéл в го́лос. Он с разма́ху сел на ко́й-
ку и уткну́л лицо́ в поду́шку.

— Что ты? — Капита́н пе́рвый раз заговорил с ним
на «ты». — Что ты? Сале́рно...

Капита́н поверну́лся, взя́лся за ру́чку двéрни. Ста́рик
встрепену́лся.

— Мину́ту! — говори́л старик.

Он задыха́лся, схвати́л графи́н и пил из го́рлышка.

Облива́лся. Друго́й руко́й он держа́л капита́на.

— Ведь я умру́ подлещо́м, — говори́л старик сквозь
слёзы. — Пожа́р не поту́хнет. В э́тих бо́чках, ты не зна́-
ешь, — в них бертоле́това соль!

— Как? — спроси́л капита́н. — Ведь ты сказа́л —
хлорновáтая кака́я-то соль...

— Да, да! Э́то и есть бертоле́това. Я не совра́л. Но я
знал, что ты не поймёшь.

— Я спра́шивал ведь тебя́: не опа́сно? А ведь э́то —
взрыв!..

— Нет, нет, — пла́кал старик, — не взрыв! Её нагрé-
ва́ет, она́ выпуска́ет кислоро́д, а от него́ горит. Сильне́й,
сильне́й всё горит. — Ста́рик умоля́юще гляде́л на капи-
та́на. — Ну, прости́, прости́ хоть ты, го́споди! — Ста́рик
ломáл ру́ки. — Никто́, никто́ не прости́т... — И Сале́рно
иска́л глаза́ми по каю́те. — Мне да́ли три́ста лир¹, что́-
бы я устро́ил... дья́вол дал... э́ти два́дцать бо́чек. Что
же тепе́рь? Что же? — Сале́рно глотáл во́здух ртом. —
Иису́се свято́й, ми́лый, дорого́й...

— Иди́те к абба́ту, приложи́тесь к его́ ря́се. Нет?

---

¹ Ли́ра — денежная едини́ца в Ита́лии.

Тогда вот револьвер — стреляйтесь! — сказал капитан и брякнул на стол браунинг.

Старик водил выпученными глазами.

— Тоже не хотите? Тогда умрите на работе. Марш к команде.

— Капитан,— хрипло сказал Салерно,— на градуснике... вчера было не семьдесят восемь, а восемьдесят семь...

Капитан вскинул брови, вздрогнул.

— Я не мог сказать...— Старик рухнул с койки, стал на колени.

Капитан с размаху ударил старика по лицу, вышел и пристукнул за собой дверь.

XV

Капитан взял верёвку с градусником. Он сам смерил температуру — было 88 градусов.

Маленький механик подошёл и сказал (он был в одной сетке, мокрой от пота):

— На переборке краска закудрявилась, барашком пошла, но мы поливаем... Полно пару... Люди задыхаются... Работаем мы со вторым механиком...

Капитан подошёл к кочегарке. Глянул сверху, но сквозь пар не мог увидеть. Слышал только — лязгают лопаты, стучают скрепки. Маленький механик шагнул за трап и пропал в парю.

Солнце садилось. Красным отсветом горели буруны по бокам парохода. Чёрный дым густой змеей валил из трубы. Пароход летел что есть силы вперёд. В трюме парохода горел смертельный огонь. Пассажиры приятно пели испанскую песню. Испанец махал рукой. Все на него смотрели, а он стоял на табурете выше всех.

— Споёмте моли́тву,— говори́л испáнец.— Его́ пре-
подóбию бу́дет приятно́.

Испáнец дал тон.

Капита́н бы́стро пошёл вниз, к матро́сам.

— Сейча́с гото́во! — крикну́л навстрéчу Гропа́ни.

Он, го́лый до по́яса, долби́л долото́м. Стари́к Сале́рно,
лохма́тый, мо́крый, теса́л. Он без па́мяти теса́л, зло сади́л
топоро́м.

— Ба́ста! Дово́льно уж! — крича́л ему́ судово́й
плóтчик.

Сале́рно, кра́сный, мо́крый, озира́лся вокру́г.

— Ещё́ по буты́лке вина́,— сказа́л капита́н.— Вы-
пить здесь — и по ко́йкам. Дво́е — в кочегáрку, помога́йте
товáрищам. О́ни в аду́. Ва́хта по ча́су.

Все броси́ли инструме́нты. Оди́н Сале́рно всё сто́ял с
топоро́м. Он ещё́ два ра́за тя́пнул по бревну́. Все на него́
огляну́лись.

Капита́н вы́шел на па́лубу. На трю́ме в паза́х
стена́ пошла́ пузыря́ми. О́ни надува́лись и ло́пались.
Смолá прилипа́ла к нога́м. Чёрные сле́ды шли по
па́лубе.

Со́лнце зашло́.

Яркими огня́ми вспыхну́л сало́н; отту́да ми́рно мур-
лы́кал пассажи́рский го́вор.

Гропа́ни догна́л капита́на.

— Я доложу́,— ве́село говори́л Гропа́ни,— о́чень здо-
рово́, то есть замеча́тельные плоты́, говорю́ я... а Са-
ле́рно...

— Ви́дел всё,— сказа́л капита́н.— Гото́вьте прови́-
зию, во́ду, фла́ги, раке́ты. Фальшфейе́ра¹ не забу́дьте.
Сейча́с же...

— А Сале́рно чудáк, ей-бо́гу! — крикну́л Гропа́ни и
побежа́л хлопота́ть.

---

¹ Ф а л ь ш ф е й е р — сигна́льная раке́та.

Нóчью капитáн пошёл мёрить температúру. Он мёрил кáждый час. Температúра мёдленно подходила к 89 градуса́м. Капитáн осторо́жно прислу́шивался, не гудит ли в трю́ме. Он приложи́л у́хо к трю́мному лю́ку. Бы́ло горячо́, но капитáн терпéл. Бы́ло не до того́. Слу́шал: нет, ничегó — это урчи́т маши́на. Её слы́шно по все́му пароходу́. Капитáну начина́ло каза́ться: вот сейча́с, че́рез мину́ту, парохо́д не вы́держит. Взорвётся люк, по́лыхнёт пла́мя — и ко́нec: кри́ки, вой, крова́вая ка́ша. Почём зна́ть, доте́рпит ли парохо́д до утра́? И капитáн сно́ва щу́пал па́лубу. Попада́л в жидкую горя́чую смо́лу в паза́х. Сно́ва мёрил гра́дусником уже́ кáждые полчасá.

Капитáн нетерпели́выми шага́ми ходи́л по па́лубе. Гляде́л на часы́. До рассвёта бы́ло ещё́ далеко́. Внизу́ Гропа́ни ку́порил в бо́чки сухари́, консе́рвы. Сале́рно во́зился тут же. Он слу́шал Гропа́ни и со всех ног исполня́л его́ прика́зы. Как ма́льчик, стари́к гляде́л на капитáна, бу́дто хоте́л сказа́ть: «Ну, прикажи́ скорее́, и я в во́ду бро́шусь!»

Около полуночи капитáну доложи́ли — дво́их вы́несли из кочегáрки в о́бмороке. Но маши́на всё верте́лась, и парохо́д летéл напрямик к то́рной доро́ге¹.

Капитáн не мог присе́сть ни на миг. Он ходи́л по все́му пароходу́. Он спусти́лся в кочегáрку. Там в горя́чем па́ру звя́кали двéрцы то́пок. Пла́мя вы́ло под котла́ми. Распа́ренные лю́ди изо всех сил швыря́ли у́голь. Не попада́ли и сно́ва с ожесточе́нием кидáли. Ругáлись, как пла́кали.

Капитáн схвати́л лопáту и стал кидáть. Он задыха́лся в па́ру.

— Валя́й, валя́й, сейча́с ко́нec,— говори́л капитáн.

¹ То́рная доро́га — прое́зжая доро́га; здесь: путь, по кото́рому обы́чно ходит мно́го корабле́й.

Гáйки закры́ли. Капитáн вы́лез навёрх. Ему́ показáлось хóлодно на пáлубе. А это́ что? Какíе-то фи́гуры в темнотé вóзятся у шлю́пки.

Капитáн опу́стил рúку в карма́н, нащúпал бра́унинг. Подошёл. Три матро́са и кочегáр выва́ливали шлю́пку за борт.

— Я не прика́зывал гото́вить шлю́пок,— тíхим гóлосом сказа́л капитáн.

Они́ молча́ли и продо́лжали де́ло.

— На тако́м ходу́ шлю́пки не спу́стить,— сказа́л капитáн чуть грóмче.— Поги́бнете са́ми и загу́бите шлю́пку.

Капитáн сде́рживал се́рдце: нельзя́ подыма́ть трево́гу.

Матро́сы вы́валили шлю́пку за борт. Оставáлось спу́стить.

Дво́е се́ли в шлю́пку. Дво́е други́х гото́вились спуска́ть.

— А, дья́вол! — вскри́кнул оди́н в шлю́пке.— Нет вёсел. Они́ запря́тали вёсла и парусá. Всё. Дава́й вёсла! — кри́кнул он в лицо́ капитáну.— Дава́й!

— Не о́ри,— сказа́л тíхо капитáн,— вы́йдут лю́ди, они́ убьóт вас!

И капитáн отошёл в сто́рону. Он ви́дел, как лю́ди вы́лезли из шлю́пки. До рассвёта оставáлось три часа́. Капитáн уви́дел ещё́ фи́гуру: пригляде́лся — Сале́рно. Ста́рик, полугóлый, шёл шата́ясь.

Он шёл пря́мо на капитáна. Капитáн стал.

— Сале́рно!

Ста́рик подошёл вплотnúю.

— Что мне тепе́рь де́лать? Прика́жите.

Сале́рно гляде́л сумасше́дшими гла́зами.

— Оде́ньтесь, — сказа́л капитáн, — причешíteсь, умо́йтесь. Вы бу́дете передава́ть дете́й на плоты́.

Сале́рно с се́рдцем махну́л кулака́ми в во́здухе.

Капитан зашагал на бак. По дороге он снова смерил: было почти 90 градусов.

Капитану хотелось подогнать солнце. Вывернуть его рычагом навёрх. Ещё 2 часа 45 минут до света. Он прошёл в кубрик. Бойцман не спал. Он сидел за столом и пил из кружки воду. Люди спали головой на столе, немногие в койках. Свесили руки, ноги, как покойники. Кто-то в углу копался в своём сундучке. Капитан пома- нил пальцем бойцмана. Бойцман вскочил. Тревожно глядел на капитана.

— Вот порядок на утро,— тихо сказал капитан. И он стал шептать над ухом бойцмана.

— Есть... есть...— приговаривал бойцман.

Капитан быстро взбежал по трапу. Ему не терпелось ещё смерить. Градусник с верёвкой был у него в руке. Капитан спустил его вниз и тотчас вытянул. Глядел, не мог найти ртуть. Что за чёрт! Он взял рукой за низ и от- дёрнул руку: пеньковая кисть обварила пальцы. Капитан почти бегом поднялся в каюту. При электричестве увидал: ртуть упёрлась в самый верх. Градусник лопнул. У капи- тана захватило дух. Дрогнули колёни первый раз за всё это время. И вдруг нос почувствовал запах гари. От вол- нения капитан не расчужал. Откуда? Озирался вокруг.

Вдруг он увидел дымок. Лёгкий дымок шёл из рук. И тут капитан увидел: тлеет местами верёвка. И сразу понял: труба раскалилась докрасна в трюме. Пожар до- шёл до неё.

Капитан приказал бойцману поливать палубу. Пустить воду. Пусть всё время идёт из шланга. Тут под трюмом пар шёл от палубы. Капитан зашёл в каюту Салерно. Старик переодевал рубаху. Вынырнул из ворота, увидал капитана. Замер.

— Дайте химию,— сказал капитан сквозь зубы.— У вас есть химия.

Салерно схватил с полки книгу — одну, другую...

— Хіміи... хіміи...— бормота́л старі́к.

Капіта́н взял кнігу и вы́шел вон.

«Мо́жет ли взорва́ть?» — беспокóйно думал капіта́н. У себя́ в каю́те он листа́л кнігу.

«Взрыва́ется при уда́ре,— прочёл капіта́н про бертоле́тову соль,— и при внеза́пном нагрева́нии».

— А вдруг там попаде́т так... что внеза́пно... А, че́рт!

Капіта́н зае́рзал на сту́ле. Глянул на часы́: до рассве́та остава́лось два́дцать семь мину́т.

XVII

Остано́вить парохо́д в темноте́ — все пассажи́ры про́снут́ся, и в темноте́ бу́дет ка́ша и бой. А в ка́кую мину́ту взорве́тся? В ка́кую из два́дцати́ семи́? Или соль выпу́скает кислоро́д? Прóсто кислоро́д, как в шко́ле на уро́ке хіміи?

Капіта́н дёрнулся сме́рять, вспо́мнил и то́пнул с се́рдцем в па́лубу.

Тепе́рь капіта́н как закамене́л: шёл тве́рдо, крѣпким ша́гом. Как жива́я ста́туя. Он прошёл в ку́брик.

— Буді́! — сказа́л капіта́н бо́цману.— Дво́их на лебе́дки! Плоты́ на па́лубу! Собира́ть!

Лю́ди просыпа́лись, се́рые и блѣдные. Все́ми глаза́ми гляде́ли на капіта́на. Капіта́н вы́шел. С ба́ка на него́ гляде́ли борто́вые огни́: кра́сный и зеле́ный. Ярки́е, напּражѣнные. Капіта́н уже́ слы́шал сэа́ди возню́, грóханье бру́сьев. Тарахте́ла лебе́дка. Вспы́хнула грузо́вая лю́стра.

— Гропа́ни, к пассажи́рам! — сказа́л капіта́н на хо́ду. Он слы́шал го́лос Сале́рно.— Сале́рно, ко мне! — кри́кнул капіта́н.— Вы распоряжа́йтесь спу́ском плотóв. И ни одно́й оши́бки!

Второ́й шу́рман с матро́сами выва́ливал шлю́пки за борт. Оди́ннадцать шлю́пок. Капіта́н глянул на часы́.

Оставáлось семна́дцать минут. Но востóк глу́хо чернёл справа.

— Всех навёрх! — сказа́л капита́н ма́ленькому меха́нику.— Одно́го челове́ка оста́вить в маши́не.

Парохо́д нёсся, каза́лось, ещё́ быстрей; напоследки — очертя́ го́лову.

Капита́н вы́шел на мо́стик.

— Опреде́литесь по звёздам,— сказа́л он ста́ршему шта́рману,— на́до то́чно знать на́ше ме́сто в океа́не.

Лёгкий ве́тер дул с востóка. По океа́ну ходи́ла ширóкая пла́вная волна́. Капита́н стоя́л на мо́стике и смотре́л на сбóрку плотóв. Сале́рно то́чно, без óкриков, руково́дил, и ру́ки люде́й рабóтали дру́жно, в лад. Капита́н шагнул впра́во. Ве́тром дýнул свет из-за мо́ря.

— Стоп, маши́на! — прика́зал капита́н.

И сейча́с же у́мер звук внутри́. Парохо́д бу́дто осла́б. Он с разго́на ещё́ нёсся вперёд. Лю́ди на миг брóсили рабóту. Все гля́нули навёрх, на капита́на. Капита́н серьё́зно кивну́л голово́й, и лю́ди вцепи́лись в рабóту.

XVIII

Абба́т просну́лся.

— Мы, ка́жется, стоим,— сказа́л он испа́нцу и зажёг электр́чество.

Испа́нец бы́стро стал одева́ться. Поднима́лись и в други́х каю́тах.

— Ах да! Имени́ны! — крича́л испа́нец.

Он вы́сунулся в коридо́р и крикну́л весёлым го́лосом:

— Да́мы и кавале́ры! Пожа́луйста! Прошу́! Все в бе́лом! Непреме́нно!

Все собра́лись в сало́не. Гропа́ни был уже́ там.

— Но почему же так рано? — говорили парядные пассажиры.

— Надо приготовить пикник, — громко говорил Гропани, а потом, шёпотом, — возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадежна.

Пассажиры пошли рыться в чемоданах.

— Я боюсь, — говорила молодая дама, — в лодках по волнам...

— Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в аду, — сказал испанец. Он приложил руку к сердцу. — Идёмте. Кажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми проход к трапу.

Пассажиры спустились на нижнюю палубу.

Капитан строго глядел на пассажиров.

Испанец вышел вперёд под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

— От лица пассажиров... — начал испанец и шикарно поклонился.

— Я объявляю, — перебил капитан крепким голосом, — мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепенелые.

— Женщины, вперёд! — скомандовал капитан. — Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал вперёд Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил

револьвёр в руке. Блédные люди проходили между матрóсами. Салёрно размещáл пассажíров по плотáм и шлю́пкам.

— Все? — спросил капитáн.

— Да. Двéсти три человекá! — крикнул снíзу Салёрно.

Комáнда мóлча, по одному́, сходи́ла вниз.

Плоты́ отвали́ли от парохóда, лёгкий вéтер относíл их в стóрону. Жéнщины жáлись к мáчте, крéпко прижимáли к себé детéй. Дéсять шлю́пок держáлись рýдом. Однá под парусáми и вёслами пошлá вперед. Капитáн сказа́л Гропáни:

— Дáйте знáть встречному парохóду. Нóчью пускай-те ракéты!

Все смотре́ли на парохóд. Он стоя́л оди́н среди́ мóря. Из трубу́ шёл лёгкий дым.

Прошлó два часá. Сóлнце ужé высокó поднялóсь. Ужé скры́лась из глаз шлю́пка Гропáни. А парохóд стоя́л оди́н. Он ужé не дышáл. Мёртвый, бро́шенный, он пока́чивался на зы́би.

«Что же éто?» — думáл капитáн.

— Зачём же мы уéхали? — крикнул ребёнок и запла́кал.

Капитáн со шлю́пки огля́дывался то на ребёнка, то на парохóд.

— Бédный, бédный... — шептáл капитáн. И сам не знал — про ребёнка íли про парохóд.

И вдруг над парохóдом взлетéло бéлое óблако, и вслед за ним рвану́ло вверх пла́мя.

Гóмон, гул пошёл над людьмí. Мнóгие встáли в рост, глядéли, затайли дыхáние...

Капитáн отверну́лся, закры́л глазá руко́й. Ему́ бýло бóльно: горíт живóй парохóд. Но он снóва взгляну́л сквозь слéзы. Он крéпко сжал кулакí и глядёл, не отрывáлся.

Вéчером вíден был краснóй óстов. Он рдел¹ вдали. Потóм потúхло. Капитáн дóлго ещё глядёл, но ничегó ужé нé было вíдно.

Три дня болтáлись на плотáх пассажíры.

На трéтьи сýтки к вéчеру пришёл парохóд. Гропáни встрéтил на борту капитáна.

Людi перешли на парохóд. Недосчитáлись старикá Салérно. Когдá он пропáл — кто егó знáет.

1932

---

¹ Р д е т ь — краснётъ.

СОДЕРЖАНИЕ

Кирилл Андреев. Борис Житков	3
Вата. Рис. Н. Тырсы	9
Компас. Рис. Н. Тырсы	20
На водё (Шквал). Рис. Н. Тырсы	30
Над водо́й. Рис. Петра́ Павли́нова	42
Под водо́й. Рис. Петра́ Павли́нова	51
«Мария» и «Мэри». Рис. Петра́ Павли́нова	61
Никола́й Иса́ич Пу́шкин. Рис. Петра́ Павли́нова	75
Механик Салерно. Рис. Н. Тырсы	83

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Борис Степанович Житков

ИЗ МОРСКИХ ИСТОРИЙ

Рассказы

Ответственный редактор *М. И. Сальникова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *Л. П. Костинова*. Корректоры *Е. Б. Кайрукштис* и *Л. М. Короткина*.

Сдано в набор 22/1 1976 г. Подписано к печати 17/1V 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 4,79. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2441. Цена 27 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Цена 27 коп.